

ХОРХЕ ЛУИС БОРХЕС
АДОЛЬФО БИОЙ КАСАРЕС
Библиотечка «Вопросы философии»

ЭНТОНИ БЕРКЛИ
УБИЙСТВО
НА ВЕРХНЕМ
ЭТАЖЕ



Энтони Беркли

Убийство на верхнем этаже

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151251
Убийство на верхнем этаже: Азбука; СПб.; 2000
ISBN 5-267-00427-8*

Аннотация

Энтони Беркли – один из лучших авторов английского психологического детектива. Главный герой его произведений, писатель Роджер Шерингэм, создатель Клуба криминалистов-любителей, в расследовании криминальных тайн предпочитает опираться на интеллект и интуицию.

Наверное единственная книга из «Шерингэмовского» цикла, которая подходит под определение «программное произведение». Кроме того она в полной мере может считаться образцом британского детектива того времени. Видимо поэтому роман был выбран Борхесом в свою детективную библиотеку «Седьмой круг».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	32
Глава 4	56
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Энтони Беркли

Убийство на верхнем этаже

Глава 1

Роджер Шерингэм сидел на краю стола мистера Морсби и занимал старшего инспектора Скотленд-Ярда легкой и непринужденной беседой. Иногда тот даже мычал что-то в ответ, не отрывая, впрочем, глаз от досье, которое внимательно изучал. Со стороны могло показаться даже, что очень немногому из сказанного удавалось найти дорогу к ушам инспектора.

Вероятно, нечто подобное заподозрил и сам Роджер, поскольку он вдруг хлопнул ладонью о стол.

– Морсби! Вы сказали, что освободитесь к часу. Сейчас уже десять минут второго, по вашим же рабочим часам. Ваш ленч меня мало тревожит. Я начинаю волноваться за свой.

Старший инспектор вздохнул и захлопнул дело.

– Никаких проблем, мистер Шерингэм. Я просто искал для вас кое-что в том деле о мошенничестве, которым вы интересовались. Я готов.

Он вырвал свое грузное тело из кресла и подошел к двери, возле которой висела его шляпа.

Схватив свои перчатки и шляпу, Роджер поспешно соско-

чил со стола. Раз или два в месяц он приглашал старшего инспектора на ленч. Сам он называл это «водить дружбу со Скотленд-Ярдом». Скотленд-Ярд называл это «Мистер Шерингэм снова пришел дружиться».

Едва рука старшего инспектора коснулась двери, на его столе пронзительно зазвонил телефон.

– Одну минуту, сэр, – сказал старший инспектор.

– Проклятие! – вырвалось у Роджера.

Морсби снял телефонную трубку и прижал ее к уху. Постояв так, он боком обогнул стол, снова рухнул в кресло и, придвинув блокнот, принялся делать в нем карандашом заметки. Роджер наблюдал за его действиями с явным неодобрением. Ленч задерживался.

– Слушаюсь, сэр, – бодро проговорил наконец Морсби. – Вероятно, стоит захватить с собой сержанта Эффорда, да? Да, сэр, немедленно.

Он положил трубку и тут же поднял ее снова, чтобы набрать местный номер.

– Черт! – прокомментировал Роджер, пытаясь свыкнуться с мыслью, что ленча уже не будет.

Старший инспектор обзвонил еще четырех коллег, сообщив каждому, что ждет его через три минуты у выхода, после чего повернулся к Роджеру.

– Прошу прощения, мистер Шерингэм, – небрежно сказал он, повесив наконец трубку. – Боюсь, о ленче придется забыть. Давайте как-нибудь в другой раз.

– А что случилось?

– Убийство. Жилой квартал на севере Юстона. Погибла пожилая женщина. Я должен быть там немедленно.

– Убийство? – просиял Роджер. – Полагаю, ничего страшного не случится, если я поеду с вами?

Морсби замялся.

– Страшного-то, думаю, ничего, только, боюсь, вам будет неинтересно. Самая обычная кража с убийством и взломом. Без этих надуманных фокусов, про которые пишут в книжках. Найти парня, который это сделал – вопрос исключительно времени. Вам будет скучно.

– Я еду, – твердо сказал Роджер.

– А впрочем, может, вам и впрямь полезно будет увидеть, на что способен старый добрый Скотленд-Ярд, – не без злорадства согласился старший инспектор. – Как раз на таких вот делах мы собаку съели, – добавил он уже в коридоре. – Раскрываем девяносто девять из ста таких случаев. Вы сами удивитесь, как быстро мы с ним управимся.

– Когда за дело берется Скотленд-Ярд, – дипломатично ответил Роджер, – я не удивляюсь ничему.

У выхода их уже ждали две машины. Сержант Эффорд, обычно работавший с Морсби и беседовавший сейчас с водителем, приветливо кивнул Роджеру. Третьим оказался инспектор Бич, вызванный как эксперт по квартирным кражам. Следом за ними появился дактилоскопист, сержант Эндрюс с чемоданчиком, в котором умещался его нехитрый набор,

и не прошло и минуты, как к ним присоединился фотограф, констебль Феррар со своей камерой. Не медля более ни секунды, машины выехали со двора.

Роджер оказался в первой машине рядом с водителем. Морсби, зажатый на заднем сиденье между Бичем и Эффордом, сразу же принялся излагать своим подчиненным то, что успел узнать о деле по телефону от своего начальника. Роджер слушал, перегнувшись через спинку своего сиденья.

Покойную, как уже было известно, звали мисс Барнетт. Пожилая одинокая женщина, живущая в одной из крохотных квартир многоэтажного дома на Плэт-стрит, тихой улочки, примыкающей к Юстон-роуд. С тыла окна дома выходили на колодец двора, куда можно было попасть из улочки, тянувшейся параллельно Плэт-стрит и связанной с ней переулком, под прямым углом пересекавшим обе. Этим утром обитатели соседних квартир заметили веревку, свисающую из окна кухни мисс Барнетт, выходящего во двор. В сочетании с бутылкой молока, до сих пор стоявшей под ее дверью и странными звуками, доносившимися среди ночи, как кто-то тут же вспомнил, из ее квартиры, это выглядело весьма подозрительно. Тем не менее соседи, как истинные лондонцы, терпеть не могли вмешиваться в чужую жизнь и только полчаса назад предприняли первые шаги.

К этому времени женщина, занимавшая соседнюю с мисс Барнетт квартиру на последней этаже, решила уже постучать в ее дверь. Не дождавшись ответа, она поделилась

своими опасениями с уборщицей, а та вызвала констебля. Последний, отлично зная, какие неприятности могут поджидать полицейского, вторгшегося, пусть и с благими намерениями, но без приглашения в жилище англичанина, прежде чем начать действовать, благоразумно вызвал сержанта. Вдвоем они выломали дверь в квартиру мисс Барнетт и нашли хозяйку мертвой на полу спальни, а квартиру в таком состоянии, словно по ней прошло стадо диких быков: подушки были вспороты, содержимое шкафов вывалено на пол, а вся мебель опрокинута.

– Ага! – многозначительно проговорил инспектор Бич. – А из окна, значит, висела веревка?

Роджер знал, что сейчас инспектор сканирует внушительное содержимое своей памяти на предмет грабителей, которые переворачивают квартиры вверх дном, пользуются для проникновения или бегства из нее веревкой и склонны в критической ситуации к насилию. В свое время обнаружится еще немало мелочей, указывающих на личность взломщика, и для каждой из них память инспектора представит свой список. И, как только одно и то же имя окажется во всех пяти – десяти списках, относящихся к преступлению, оно будет принадлежать убийце. Настолько же просто решаются загадки, с которыми обычно приходится иметь дело Скотленд-Ярд, насколько сложными их делают изобретательные писаки.

Далее события развивались обычным чередом. Выпроводив побелевшую уборщицу из квартиры, сержант оставил

констебля охранять выломанную дверь, отправил посыльного разыскивать врача, а сам поспешил в ближайший полицейский участок, откуда позвонил окружному инспектору, а также в отдел уголовного розыска, коротко, но детально обрисовав ситуацию с тем, чтобы у начальства сложилось четкое представление, каких именно специалистов и какую технику выслать на место преступления. Таким образом, через двадцать минут после того, как дверь была выломана, все криминалисты были уже на месте.

Кроме четверых приехавших с Морсби (не считая Роджера), в маленькой квартире находились, уже несколько минут ожидая прибытия Скотленд-Ярда, частный врач, найденный посыльным сержанта, окружной инспектор и еще один констебль; судмедэксперт прибыл парой минут позже. Итого двенадцать, включая Роджера. При этом никакой сутолоки. Никто не наступал друг другу на пятки; каждый из прибывших отлично знал свое дело и либо уже делал его, либо ждал возможности приступить.

Первый констебль продолжал охранять вход в квартиру, второго поставили у подъезда, чтобы он не пускал в дом никого кроме жильцов, сержант ждал дальнейших распоряжений на лестничной клетке вместе с криминалистом, который должен был снимать отпечатки пальцев и ждал, когда до него дойдет очередь; сержант Эффорд вызвался проводить миссис Бойд, уборщицу, в ее квартиру на первом этаже, чтобы, дав ей немного прийти в себя, с профессиональной деликат-

ностью выжать из нее до последней капли все, что она знала о покойной: ее характер, привычки, образ жизни – любую мелочь, которая могла оказаться так или иначе связанной с преступлением; инспектор Бич обзиревал с порога гостиную, зайти в которую не мог до тех пор, пока эксперты не осмотрят пол; двое врачи и вполголоса переговаривались в коридоре, куда явившийся по вызову доктор Эйкинхед, румяный, пузатый и низкорослый, удалился после первого – беглого и весьма поверхностного – осмотра, проведенного им под бдительным надзором окружного инспектора, страшно переживавшего, как бы доктор не сдвинул тело на миллиметр-другой, и находившегося теперь в спальне вместе с Морсби, который руководил съемками тела и комнаты – первым шагом в кажущейся неразберихе расследования; а Роджер, всем мешающий и всеми гонимый, но все равно страшно довольный, что променял свой ленч на эту поездку, топтался в дверях спальни, пытался уследить за всем разом.

Хрупкое тело женщины, одетое в розовую фланелевую пижаму, тряпичной грудой лежало на полу посреди комнаты; на мертвом лице застыло выражение, которого Роджер изо всех сил старался не замечать.

Когда фотограф закончил свою работу в спальне, Морсби пригласил туда врачей провести осмотр, предоставив наблюдать за ним окружному инспектору, а сам прихватил фотографа и отправился с ним осматривать остальные комнаты, отдавая на ходу указания, что именно тот должен отснять.

Покончив с этим и отпустив фотографа проявлять пленку, старший инспектор вернулся в гостиную.

– Дайте-ка я тут сначала огляжусь чуток сам, – добродушно бросил он инспектору Бичу, – а потому уж запушу и вас с Эндрюсом.

Маясь в дверях, Роджер с интересом наблюдал за действиями высокого начальства.

Доверять своим подчиненным работу, которую он, по его мнению, мог сделать лучше, было явно не в обычаях старшего инспектора Морсби. Плюхнувшись на свои начальственные четвереньки и сделавшись сильно похожим на добродушного моржа, он принялся резво ползать по полу, быстро, но тщательно осматривая каждый сантиметр не слишком-то чистого ковра. Не будь дело настолько серьезным, зрелище вызвало бы у Роджера широчайшую улыбку.

Поднявшись наконец на ноги, инспектор сокрушенно осмотрел почерневшие ладони и колени брюк.

– И все напрасно, – сообщил он зрителям. – Ни тебе отпечатка обуви, ни даже грязи. И это при том, что на дворе октябрь и сплошная слякоть!

– Вообще-то говоря, – заметил Роджер, – я бы не слишком удивился, затеряйся на таком ковре еще немного грязи.

– Будь она здесь, не затерялась бы, – с небрежной уверенностью ответил старший инспектор. – А вот для вас кое-что есть, Бич, – добавил он, кивнув в сторону столика посреди комнаты, на котором стояла полупустая бутылка виски и два

немытых стакана.

– Да, сэр, – удовлетворенно кивнул Бич. – Вижу, сэр.

Это еще один критерий классификации взломщиков: те, кто пьет, обчистив квартиру, и те, кто нет; при этом первые делают это неизменно (если только находят в доме спиртное), а последние – никогда. Взломщики – на редкость консервативная публика.

– Ладно, – сказал Морсби, – здесь я закончил. Кто-нибудь, кликните Эндрюса.

Он двинулся в сторону кухни, но, услышав в спальне шаги, остановился.

– Ага, – довольным голосом заметил он Роджеру, – Похоже, врачи тоже управились. Ну, тогда мы можем заняться этим прямо сейчас.

Из спальни появились врачи, за спиртами которых нетерпеливо маячил окружной инспектор, здорово напоминавший Роджеру охотничьего хорька, вспугнувшего пару мирно ютившихся в норе кроликов. Высокий мертвенно-бледный полицейский врач, взяв слово, обратился к Морсби как к старому знакомому.

– Ну, что сказать, инспектор, – резко и отрывисто начал он. – Дело ясное. Разумеется, ее задушили. Думаю, теми самыми бусами, которые лежат рядом с телом. Возраст где-то около сорока восьми. Заметно истощена – ни о каком серьезном сопротивлении говорить не приходится. Опять же, никаких следов борьбы на теле – при первом осмотре. Оче-

видно, нападение было совершено со спины. Странгуляционная линия очень ровная и по всей окружности шеи соответствует толщине бус, за исключением большого кровоподтека сзади. Полагаю, он закрутил их там в узел. Теперь, что мы имеем сейчас... Частичное окоченение (достигло верхних конечностей), тело полностью остыло, отчетливо видны трупные пятна. Иными словами, смерть наступила от двенадцати до двадцати четырех часов назад; точнее сказать не могу. Ну как, есть с чего начать? Позже, разумеется, я пришлю вам полный отчет – когда тело будет у нас.

– Спасибо, док. Как раз то, что я и хотел услышать, – поблагодарил его старший инспектор.

– А теперь, не будем ли мы так любезны убраться отсюда и не путаться под ногами? – усмехнулся врач. – Да ладно, ладно, я понимаю. Все, мы ушли. Удачи вам тут.

Он подтолкнул к выходу своего тучного коллегу, которому явно хотелось задержаться, и вскоре их шаги замерли на лестнице.

– Ну, в одном он был прав, – беззлобно заметил Морсби. – Без них действительно лучше. Ничего личного, но каждый раз с трудом могу дождаться, когда же они закончат. Итак, Мерримен, какие у вас новости?

Глава 2

Новостей у окружного инспектора было не много. Осмотреться до приезда начальства времени у него не было, так что все его сведения носили довольно общий характер.

В доме всего четыре этажа, сообщил он Морсби, на каждом по две маленькие квартиры: кухня, спальня и гостиная. Мисс Барнетт жила на последнем этаже. Обитатели дома были люди с претензиями – кто обоснованными, а кто и нет – на утонченность, доказательством чему – опять же, когда обоснованным, а когда и нет – служила чистота речи. Не самое хлебное место, пришло вдруг Роджеру в голову, для вора и убийцы.

О том же, похоже, думал и Морсби.

– Да что же ему здесь понадобилось? – пробормотал старший инспектор, разглядывая с порога старомодную мебель и плюшевую обивку гостиной, от которой за версту веяло древностью и нищетой. На камине стояли две стеклянные лампы – точнее, стояла одна; другая лежала на потертом каминном коврикe. – Здесь даже старьевщику пожитьeся нечем.

Окружной инспектор счел нужным объяснить:

– Она была, знаете, со странностями, эта мисс Барнетт.

– Со странностями, – повторил старший инспектор, снова заглядывая в комнату и морща свой уж никак не приве-

редливый нос. – Это вы верно подметили, со странностями. Здесь, наверное, месяцами не убирались. Вонюща...

– Скорее уж, сэр, годами. И это еще в лучшем случае. Вы видели кровать? Это же просто свинство! Врач сказал, если бы ее не задушили, она вполне могла умереть от голода. Самая настоящая скряга! Учитывая, какие здесь про нее ходили слухи, не удивлюсь, если кто-то решил попытать счастья. Я давно уже слышал, будто бы она держит зашитыми в матрас восемьсот фунтов. Золотом, между прочим.

– В самом деле слышали? Это хорошо, – одобрил Морсби. – Вы, кажется, знаете свой округ вдоль и поперек.

Инспектор покраснел от удовольствия, но справедливости ради добавил:

– Дело в том, сэр, что нам частенько приходилось иметь с ней дело. Точнее, с ее жалобами. Это она обожала. По малейшему поводу – сразу к нам. Особенно ее раздражало, что под окнами сигналят машины. А пару лет назад, когда я еще работал в участке, постоянно жаловалась и? – соседа. Тот учил детей игре на органе. Все, помню, удивлялась, почему это мы не желаем его арестовать. Ну, вы таких знаете, сэр: уверены, что все должны бегать за ними лишь потому, что они вовремя платят налоги.

– Еще бы не знать. Выходит, она живет здесь давно, – задумчиво проговорил старший инспектор, не отвлекаясь более на образ жизни покойной. В том, что касается сбора сведений, он вполне доверял Эффорду. – Живет здесь давно и

пользуется репутацией скряги, которая спит на золоте. Ну да вы не хуже меня знаете, что одинокие старики, которые почти ничего не тратят, прямо-таки притягивают подобные слухи. Впрочем, проверить все равно стоит. Теперь, что там со звуками, которые слышали ночью? И откуда, кстати говоря, это вообще пошло?

– От уборщицы, сэр. Еще до того, как начали ломать дверь, она сказала сержанту Уэйкфилду, что жильцы из нижней квартиры, встретив ее утром на лестнице, рассказали, что ночью их разбудил какой-то стук и грохот, доносившиеся из квартиры мисс Барнетт, и они сильно за нес беспокоятся.

– И у нее не возникло желания подняться и проверить, все ли в порядке?

– Сержант спросил то же самое. Женщина ответила, что мисс Барнетт делала все, чтобы от нее держались подальше. Однажды обозвала миссис Бойд буратиной за то, что та отпустила посыльного и лично принесла ей наверх какой-то сверток, – заявила, что это, мол, просто предлог сунуть свой длинный нос к ней в жилище, и, повторись такое, она будет жаловаться домовладельцу. После чего мисс Бойд, ясное дело, старалась держаться от нес подальше, чтобы той не почудилось чего-нибудь снова.

Роджер представил себе оскорбленную добродетель, обиженно поджатые губы бантиком и улыбнулся.

– Ясно, – сказал Морсби, тоже улыбаясь. – А известно, во сколько слышали шум?

– Нет, сэр.

– А кто живет в квартире под ней?

– Мистер и миссис Энизма Смит. Оба работают. Он – со-владелец кинопроката на Уорддор-стрит, а у нее один из этих бутиков на Шафтсбери-авеню. Адреса у меня уже есть. Как раз собирался послать кого-нибудь выяснить, что они знают? – вопросительно закончил инспектор на случай, если предложение окажется неудачным.

– Хм... И у обоих сейчас как раз должен бы быть перерыв, да? И обедают они, скорее всего, вместе... Да, пожалуй, пошлите кого-нибудь, только пусть не говорит сразу, в чем дело – просто попросит их подойти сюда на пару минут. И пусть поторопится. Я пока посмотрю на другие комнаты.

Инспектор бросился разыскивать сержанта, и Морсби прошествовал в гостиную. Роджер, свято уверенный, что каждым своим шагом давит важнейшую улику, держался его спины с тихим упорством путника, вцепившегося на скользком глинистом склоне в кусты тамариска.

Старший инспектор благожелательно обозрел своих подчиненных.

– Ну, Эндрюс? Чем порадуете?

– Ничем, сэр, – злобно отозвался дактилоскопист, поднимая глаза от крышки стола, которую он только что пристально разглядывал под разными углами. – Я прошелся уже почти по всей комнате, и нигде ни намек на отпечаток.

– А! – Морсби не удивился. Если в квартире побывал про-

фессионал, он никогда не стал бы работать без перчаток. – А веревка, говорите, свисает из окна кухни? Пойдем взглянем на нее, Бич.

Через коридор все трое проследовали в маленькую кухню, на пороге которой Роджер с Бичем и остались наблюдать, как старший инспектор, равнодушный к судьбе своих брюк, ползает по засохшей на линолеуме грязи.

Роджер удивленно оглядывался. В комнате царил тот же беспорядок, что и в гостиной, весь пол был усеян битой посудой; здесь что-то искали настолько ожесточенно, что даже свернули с места газовую плиту, а напоследок, словно уже со злости, опрокинули и кухонный стол.

– Сдается мне, – заметил Роджер Бичу, – что соседи снизу все-таки что-то слышали.

– Да. Только вот грохота была куда меньше, чем может показаться. Посуду, скорее всего, разбили случайно.

А мебель ведь не роняли – ее осторожно переворачивали, чтобы осмотреть днище; хотя, конечно, легкие вещи, типа белья, швыряли куда попало.

– А что же, все взломщики устраивают такой погром?

– Да нет. Попадают очень даже опрятные: все ставят на место. Этот, правда, еще и спешил. Вот вы бы ведь не стали особо расслаиваться, прикончив хозяйку, верно?

– А есть уже соображения, кто бы это мог быть? – полюбопытствовал Роджер.

– И даже несколько. Многовато. Нужно еще будет посмот-

реть, что там за узел на веревке, когда шеф закончит с полом. Может кое-чего прояснить. Да и веревка тоже.

Глубина детализации сведений, хранящихся в уголовном архиве, привела Роджера в восхищение.

Веревка, о которой говорил инспектор, свисала из окна кухни; сооруженная на одном ее конце скользящая петля была накинута на газовую печь. Роджер подумал, что ошибался, решив, будто печь отодвинули от стены нарочно: скорее всего, она сдвинулась с места под весом человека, спускавшегося по веревке. Теперь он гадал, станет ли инспектор вычислять по этому сдвигу вес, а стало быть, и рост человека, пользовавшегося веревкой. Спросить об этой интересной возможности он неожиданно постеснялся.

– Ха, – сказал Морсби.

Инспектор и Роджер вытянули шеи.

Осторожно орудуя перочинным ножом, старший инспектор соскребал с грязного линолеума какой-то предмет. Потом он положил его на стол, и они увидели засохший кусок глины, на котором отпечатался каблук.

– Ага, – подтвердил инспектор Бич.

– И это все, – сообщил Морсби, – с удовольствием разглядывая свою находку. – Ну ладно, с полом я закончил.

Пара в дверном проеме шагнула в комнату посмотреть на кусочек грязи, способный отправить человека на виселицу.

– А где он был? – спросил Роджер.

Старший инспектор кивнул в сторону угла за печью, где

даже на грязном линолеуме можно было разглядеть следы грязи.

– Не удивлюсь, если он оставил это, когда пробовал, выдержит ли печь его вес, – высказался инспектор Бич.

– Угу, – согласно промычал Морсби, отходя к окну. – Отпечатков, конечно, нет, – разочарованно добавил он, разглядывая стекло под углом.

Он принялся скрупулезно и методично осматривать деревянную раму, подоконник и карниз; потом, высунувшись из окна, так же тщательно обследовал стену под ним и внешнюю часть рамы.

– Ну? – не выдержал Роджер.

Морсби выпрямился и поделился своими выводами:

– Он только спустился отсюда – не поднимался. На подоконнике, как водите, следы ног, а если высунуться, видно, где он проехался по стене носками ботинок, пока боролся с веревкой.

– И поскольку окно, держу пари, было закрыто, – подхватил Роджер, не желая уступать инспектору, – а следов взлома на раме нет, мы делаем вывод, что забраться сюда тем же способом он не мог.

– Верно, мистер Шерингэм, – любезно согласился Морсби. – А еще потому, что не каждому взломщику удастся обвязать веревку вокруг печки на четвертом этаже, когда сам он стоит во дворе тридцати футами ниже, а окно закрыто.

– Да, конечно, – поспешно согласился Роджер, слегка по-

краснев. – Чего я не понимаю, так это какого черта он вообще этим занимался, если мог открыть пару дверей и преспокойно выйти на улицу?

– А зачем они вообще этим занимаются? – отозвался Морсби.

Инспектор Бич, однако, отнесся к вопросу Роджера более серьезно.

– Потому что у него была с собой веревка, сэр, и потому, что он привык ею пользоваться, и могу голову прозакладывать, что так оно все и было, сказал он, разглядывая упомянутую веревку. – Поверьте мне на слово, сэр: будь обе эти двери распахнуты настежь и знай он точно, что ни в коридоре, ни на лестнице нет ни души, он все равно спустился бы по веревке и никак иначе.

– Ну и кретины же в таком случае все эти ваши профессионалы! – сообщил Роджер.

– Именно, сэр! – с воодушевлением воскликнул старший инспектор Морсби. Только поэтому мы их и ловим. Кстати, Бич, веревка что-нибудь нам дает?

– Боюсь, сэр, не очень много. Не новая, малость потолще и потяжелее, чем обычно. В общем, самый обыкновенный канат – ничего общего с этими тонкими манильскими тросами. Думаю, ничего у нас с ним не выйдет. Вся надежда на тот кусок грязи. Я смотрю, у него резиновые подошвы?

– Да, – кивнул Морсби. – Нужно поскорее отдать его на экспертизу. Экспертиза может достаточно точно определить

место, из которого взят образчик почвы.

В дверях появился окружной инспектор. Вид у него был довольный.

– Можете пройти со мной на минутку, мистер Морсби?

– Да. Здесь мне, по крайней мере на данном этапе, делать уже нечего. Передайте это Эндрюсу, Бич, когда он закончит в гостиной. Что там у вас, инспектор?

– Я тут малость огляделся вокруг – во дворе и на лестницах – и нашел, где он переждал этой ночью.

– Хорошо. Я пойду взгляну.

Они спустились по лестнице на один пролет, и окружной инспектор показал отгороженную под этим пролетом каморку. За дверью оказалось привычное нагромождение веников, метел и ведер. На полу виднелась серая россыпь табачного пепла и едва ли не дюжина растоптанных окурков.

Морсби поднял один из них.

– «Плейерз». Не много. Однако какое-то время он здесь пробыл.

– Да. Парадную запирают в десять вечера. Значит, он должен был прийти раньше. Я бы сказал, он проторчал здесь часа четыре.

Старший инспектор сосчитал окурки.

– Одиннадцать. Где-то три сигареты в час. Да, похоже на то. Или, может быть, три часа.

– Это если он начал курить сразу, – заметил Роджер, – а он, наверное, ждал. Я хочу сказать, пока жильцы не уснули.

Дым бы наверняка его выдал.

– Да, мистер Шерингэм, очень может быть. В любом случае, нам совершенно не важно, сколько именно времени он здесь провел. Главное, он здесь был. Инспектор, поставьте тут человека, пока мы все не осмотрим, и, думаю, Эндрюсу стоит заняться этим немедленно. Если где-то и остались отпечатки, то это здесь.

Окружной инспектор поспешно удалился.

Роджер разглядывал пол в каморке.

– Похоже, и здесь никаких следов. При том, что вчера с девяти до десяти шел дождь. Сам под него попал.

– А, – устало отмахнулся Морсби, – нынче такой ученый народ пошел, что о следах ног и отпечатках пальцев можно просто забыть. Уж за этим-то они следят. Держу пари, что этот тип насухо вытер ноги о половик внизу. Если, конечно, он не пришел еще до дождя. Насколько я помню, до восьми погода был отличной.

– Стало быть, вы допускаете, что он мог быть здесь уже в восемь?

– Да хоть в пять, если у него столько терпения. Эти парни могут сторожить свою добычу часами, как кошка сторожит мышь. Вот посмотрите, когда Эффорд станет опрашивать жильцов, не видел ли кто из них в доме постороннего, его будет интересовать время начиная уже с обеда.

– Да уж, – одобрительно протянул Роджер. – Вы, ребята, ничего не оставляете на волю случая. Хотя вот эта самая ка-

морка наводит меня на соображение, которого никто еще пока почему-то не высказал. Понимаете, о чем я?

– Нет, мистер Шерингэм, даже и гадать не берусь. Мало ли у вас соображений.

– Ну нет, Морсби, так легко вам не выкрутиться, – рассмеялся Роджер. – Я вот о чем... У нас есть пепел и есть окурки. Все они сплющены и раздавлены, но хотел бы я знать где? Ясно, что их обо что-то тушили, а не просто давили каблучком: на полу нет никаких отметин. Но тогда где же эти маленькие черные кругляшки, которые остаются, когда сигарету гасят о стену?

Полностью спрятать гордость, переполнявшую его при мысли, что он заметил улику, ускользнувшую от бдительного ока инспектора, Роджеру так и не удалось.

– Вот и видно, мистер Шерингэм, что вы, сэр, всегда имели дело только с любителями, – ответил Морсби с терпеливой улыбкой, в которой не было и следа ребяческой радости Роджера. – С профессионалами все иначе. Ими движет не логика, а инстинкт. Как следствие, они делают целую кучу очень умных вещей и несколько совершенно идиотских. Так вот и этот парень, готов поспорить, инстинктивно гасил сигареты о носок ботинка, потому что этот самый инстинкт велит ему не оставлять следов. То, что он стряхивал пепел на пол и бросал туда же окурки, к делу не относится: это была привычка, и привычка посильнее инстинкта. Преступники – народ странный.

– Вот уж действительно, – согласился удивленный Роджер.

– Ну, – радушно пригласил Морсби, – давайте-ка пойдём взглянем ещё раз на тело.

Они снова поднялись в квартиру.

– Следов борьбы нет, по крайней мере на первый взгляд, – размышлял старший инспектор, медленно кружа над скорченным телом. – На это же, кстати, указывает и положение тела. Да и какая уж тут борьба, как заметил док, когда в ней от силы девяносто фунтов. Что скажете, мистер Шерингэм? Сдается мне, вот так она и упала, когда он ее отпустил.

– Похоже на то, – проворчал Роджер.

Морсби опустился на колени и приподнял одну из безжизненных рук. Обе они были крепко стиснуты в кулаки, и ему стоило немалого труда разжать пальцы. Наблюдая за тем, как внимательно старший инспектор осматривает ногти, Роджер понял, зачем ему это понадобилось.

– Иногда в сжатом кулаке можно найти ценную улику, – пояснил Морсби, взглянув на Роджера снизу. – Здесь, к сожалению, ничего. Разве что под ногтями. Кусочки кожи... Да и те, боюсь, она содрала с собственной шеи, инспектор мрачно взглянул на длинные царапины, видневшиеся над следом от веревки. – Пыталась сорвать...

Роджер кивнул.

– Она долго была в сознании?

– Да нет. Меньше минуты. Может, пару секунд. Так что, если доктор прав и ее действительно душили сзади, у нее и

шанса не было дотянуться до убийцы.

– Вероятно, высокий крепкий мужчина?

– Потому что так легко с ней справился? Совсем не обязательно. Если ему удалось сразу накинуть веревку и резко ее затянуть, много усилий не потребовалось. Удавка пришлась ниже гортани, из чего следует, что сознания она лишилась очень быстро, может быть даже мгновенно.

– А почему врачи так уверены, что это именно удушение? – спросил Роджер, не привыкший ничего принимать на веру. – Почему не повешение?

– В смысле, что повешение допускает возможность самоубийства, а удушение нет? – с легкой улыбкой переспросил Морсби. – Главным образом из-за этих кровоподтеков на шее, которые говорят о сопротивлении и которых никогда не бывает при повешении. Обратите также внимание на цвет лица. Это еще одно доказательство. Нет, мистер Шерингэм, боюсь, самоубийцу вам из нее сделать не удастся.

– Я и не пытался. Я просто не понимаю, почему никто не слышал ее криков. И весь этот грохот... Это должно было разбудить полдома.

– Внезапное и сильное сужение дыхательного горла, – процитировал Морсби, – приводит к практически мгновенной потере сознания и смерти от удушья, лишая жертву возможности позвать на помощь или поднять тревогу.

– Морсби, да вы, похоже, ужасно много знаете о таких штуках, восхитился Роджер.

– Ну, сэр, я, можно сказать, даже обязан знать, как это делается, едва ли не игриво ответил Морсби, возвращаясь к своим поискам.

Роджер принялся слоняться по комнате. Как и вся квартира, она была ужасающе грязной. Все было покрыто пылью, наглухо закрытые окна потемнели от копоти, ковер был безнадежен. На полу, на стульях – всюду валялась одежда (те самые старушечьи тряпки, которые смотрятся непригляднее даже мятых мужских сорочек). Переодеваясь, мисс Барнетт явно скидывала одежду прямо на пол. Лучшей иллюстрации к понятию «нечистоплотность» трудно было себе и представить. Роджер поделился своим наблюдением с Морсби.

– Свинарник, конечно, – откликнулся старший инспектор без особого интереса, – но могло быть и хуже.

– Хуже? – переспросил Роджер, чувствуя, что воображение ему отказывает.

– Ну да. Она, по крайней мере, раздевалась. А я по опыту знаю, что большинство таких вот старушек делает это, спасибо, если наполовину, надевая ночную рубашку поверх всего остального.

– Слава богу, что у меня нет такого опыта, – сказал Роджер. – Кстати, продолжил он, разглядывая предмет, лежавший на полу у самых колен Морсби, насколько я понимаю, это те самые бусы. Предполагаемое орудие убийства?

– Пожалуйста, ничего не трогайте, сэр.

– Разумеется, нет, – оскорбился Роджер. – Но посмот-

реть-то, я думаю, можно?

Так он и поступил, стараясь не смотреть на Морсби, который осторожно перебирал волосы покойной, как будто надеясь найти среди корней улику, уж какой бы там она ни была.

– Вы уже видели, Морсби? – оживленно проговорил Роджер. – Это совсем не бусы – это четки. Она была католичкой.

– Какая ирония! – рассеянно отозвался старший инспектор, занимаясь своим делом.

Закончив наконец с телом, Морсби распорядился отправить его в морг – для дальнейшего осмотра и неизбежного вскрытия. Чтобы не мешать, Роджер отступил в коридор и обнаружил там окружного инспектора, который буквально разрывался между своими административными и детективными обязанностями. Ему он и задал волновавший его вопрос.

– Я не понимаю, инспектор, – пожаловался он. – Как ее могли убить в спальне? То есть никто не сомневается, что это произошло здесь, но как они здесь оказались? Следов взлома нигде нет, и это, насколько я понимаю, означает, что мисс Барнетт сама открыла дверь этому человеку. По сути дела, этот визит вытащил ее из постели. Тогда каким образом они снова оказались в спальне?

– Не забывайте, сэр, что – тысяча к одному – у него не было намерения убивать, когда он сюда пришел. Это почти закон. Такие вот убийства происходят обычно на почве паники. Жертва начинает звать на помощь или оказывается силь-

нее грабителя. Тогда тот теряет голову и совершает убийство. Теперь, если наши предположения правильны, этот человек не пытался проникнуть в квартиру до полуночи, после чего, скорее всего, как вы и сказали, просто позвонил в дверь. Вы же не думаете, что он поступил бы так, не приготовив заранее какой-нибудь правдоподобной истории? Меньше всего ему хотелось применять насилие на пороге квартиры, где хозяйка вполне еще могла успеть поднять тревогу. Нет, ему совершенно необходима была эта история, чтобы протянуть пару минут и нейтрализовать свою жертву.

– Получается, какое-то насилие все же входило в его планы?

– Безусловно. Думаю, он намеревался воспользоваться веревкой и кляпом, что, безусловно, дало бы ему полную возможность беспрепятственно осуществлять свои поиски.

Словарный запас инспектора отдавал такой казенщиной, что Роджер с трудом удержал улыбку.

– Поиски чего? – быстро спросил он.

– Того, за чем он сюда пришел, – невозмутимо ответил инспектор.

– Тогда почему он ее задушил?

– Я уже говорил, сэр. Она слишком быстро его раскусила и хотела поднять шум. Тогда он схватил первое, что попало под руку (я, кажется, слышал, вы говорили о ее четках) и – грохнул бабуся, – заключил инспектор, неожиданно отказываясь от казенных штампов.

– Понимаю. Да, это прекрасно все объясняет. Но что же это за историю он должен был сочинить, чтобы объяснить свое появление среди ночи?

– А вот представьте, мистер Шерингэм, будто он сказал ей примерно следующее, – произнес голос за его спиной. Обернувшись, Роджер увидел вышедшего в коридор инспектора Бича. – Допустим, он представился полицейским, который, совершая обход квартала, заметил на крыше дома какого-то субъекта – как раз над ее окном...

– Действия которого показались ему весьма подозрительными, – кивнул окружной инспектор, подыскав в своем словарном запасе нужную формулировку.

– А именно, привязывавшего к печной трубе веревку, явно собираясь спуститься по ней и ограбить квартиру. В связи с чем он, детектив, и просит разрешения хозяйки проникнуть в ее жилище, чтобы подготовить негодяю достойную встречу и схватить его...

– С поличным! – заключил окружной инспектор с неожиданным для такого, казалось бы, простенького предположения восторгом. – Представился слугой закона! Вы уже догадались, мистер Бич, да?

– Разумеется!

– Насчет рыжего цвета? – таинственно осведомился окружной инспектор.

Инспектор Бич посмотрел на Роджера и рассмеялся.

– Вы про Рыжего Мака? Да нет. Скорее Красавчик Берти.

– Берти сейчас сидит.

– Да нет же! – с раздражением воскликнул Бич.

– Точно вам говорю. Я сам его и упрятал пару месяцев назад. Злонамеренное бродяжничество. Ему еще полгода сидеть.

Инспектор Бич выглядел не на шутку озадаченным.

– Очень странно. От этого дела за версту несет Красавчиком Берти.

– Берти на мокруху не пойдет, – уверенно заявил окружающей инспектор. – Я его знаю как свои пять пальцев. Да и кишка у него тонка.

– А может быть, кто-то просто работал под Красавчика Берти? – участливо заметил Роджер. – Ну, чтобы сбить вас со следа.

Детективы обменялись улыбками.

– Я что-то не то сказал? – поинтересовался Роджер.

– Вовсе нет, сэр, – успокоил его Бич. – Просто мы с мистером Меррименом подумали, что вы, должно быть, уйму этих детективных книжонок прочитали, только и всего.

Глава 3

У сержанта Эффорда было что сообщить.

Слушая его, Морсби, Роджер и окружной инспектор жевали бутерброды с говядиной, которые сержант заботливо прихватил с собой. Было уже почти три часа дня.

– Ну, мотив я нашел, – первым делом объявил сержант. – Бабуся, по слухам, держала где-то здесь целую кучу денег: не то пять сотен, не то пять тысяч фунтов, это уж у кого как с воображением...

– Ого! – сказал Морсби. – Стало быть, ставки растут?

– Вы уже знали об этом, сэр? – спросил сержант.

– Мы знали, что она, предположительно, хранит все свои деньги здесь. Удалось выяснить почему?

– Да, не доверяла банкам и тому подобным конторам. Не положила на счет ни пенни с тех самых пор, как в молодости лишилась нескольких фунтов, испарившихся вместе с каким-то частным банком. Похоже также, у нее был вполне приличный доход и, поскольку она явно почти ничего не тратила, все эти слухи могут оказаться правдой.

– Нужно выяснить детали. Эффорд, займитесь этим.

– Да, сэр. Из уборщицы многого вытянуть не удалось, но у меня большие надежды на соседку по лестничной клетке, миссис Пилчард. Если верить миссис Бойд, она еще хоть как-то подходит под понятие приятельницы мисс Барнетт, точ-

нее, только она одна и подходит.

– Как насчет родственников?

– Миссис Бойд сильно сомневается, что они у нее были. В чем она уверена, так это что ее никто и никогда не навещал. Впрочем, это можно уточнить у миссис Пилчард. Еще она говорит, что мисс Барнетт в жизни не получала больше одного письма в месяц, да и то, единственное всегда было отпечатано на машинке. Разумеется, это касается корреспонденции, которая проходит через миссис Бойд; за те письма, которые почтальон разносит по квартирам лично, она не ручается.

То и дело заглядывая в блокнот, сержант продолжил делиться откровениями миссис Бойд о характере и привычках покойной. Впрочем, все это детективы уже знали, просто осмотрев квартиру. В нечистоплотности мисс Барнетт, равно как и в ее исключительной скаредности, сомневаться никак уж не приходилось, а о ее пьянстве красноречиво свидетельствовала обнаруженная окружным инспектором горка пустых бутылок из-под виски; догадаться о ее склочности, подозрительности и эксцентричности можно было и без намеков миссис Бойд, старательно пересказанных сержантом. На редкость отталкивающая старушка, решил Роджер.

Однако состоятельная. Деньги у нее были. То, что хранилось, по слухам, в квартире, было всего лишь остатками дивидендов. Сам же капитал, насколько знала миссис Бойд, был вложен в ценные бумаги. Точной суммы миссис Бойд

назвать не могла, но цифры называли самые значительные.

– Ну, это мы скоро выясним, – уверенно заметил Морсби.

– Будто напрашивалась, чтобы ее обчистили, – поделился сержант своим мнением о странноватой привычке мисс Барнетт складировать наличность дома вместо того, чтобы относить ее в банк. – Странно только, что этого не случилось раньше.

Роджера это удивляло тоже.

Сержант снова заглянул в свой блокнот и перешел к списку подозрительных лиц, которых видели возле дома во второй половине дня – опять же, ссылаясь на мисс Бойд, поскольку, никуда не денешься, она одна завела привычку высаживаться после обеда у окна со своим рукоделием и поглядывать на входящих и выходящих хозяйским оком, что, понятно, делало ее показания еще более ценными.

Миссис Бойд перечислила следующих незнакомых ей личностей, посетивших здание в период с обеда и до наступления темноты: нового почтальона, неизвестного мужчину с чемоданчиком для инструментов (явившегося, предположительно, наладить стиральную машину в третьей квартире); еще один мужчина с чемоданчиком для инструментов, но уже с мальчиком; агитатор от какой-то партии; рекламный агент, предлагающий уцененную с восемью гиней до сорока восьми шиллингов историю европейских войн в двенадцати томах (с картами и со множеством иллюстраций); сестра милосердия, собирающая пожертвования (из этих троих

каждый успел пообщаться с миссис Бойд лично); целая куча других незнакомцев – если верить миссис Бойд, общим числом до дюжины, – и, наконец, несколько человек, которых миссис Бойд узнала и с готовностью описала сержанту, а тот старательно записал в свой блокнот.

– Н-да, – протянул его начальник. – Здесь, похоже, ловить нечего. Кое-кого из них проверить, конечно, можно, только сильно я сомневаюсь, что это нам поможет. А с наступлением темноты, как я понимаю, она никого больше не видела?

Сержант заверил, что так оно все и было, за вычетом агитатора и монахини, но они оба звонили у парадного, и миссис Бойд лично им открывала.

– И можно даже не сомневаться, что уж он-то пришел в темноте, проворчал Морсби. – Да?– откликнулся он на стук в дверь. – Войдите.

Появился сержант Эндрюс из отдела дактилоскопии.

– Я прошелся по всем комнатам, сэр. Нигде ни единого отпечатка.

– Ни единого. Впрочем, я так и думал. Что ж, тогда возвращайтесь. После того как пообедаете, конечно. Инспектор Бич уже закончил?

– Он спустился во двор, сэр, посмотреть, не найдется ли чего там. Я так понимаю, хочет осмотреть царапины на стене. Еще вам просили передать, сэр, что здесь мистер и мисс Смит; они сейчас у себя в квартире.

– А, да! Ну что ж, давайте ими займемся. Только по от-

дельности. Сначала – муж. Скажите там этому сержанту из окружного...

Эндрюс ушел, и Морсби повернулся к Эффорду.

– Что-нибудь еще?

– Ничего существенного, сэр.

– Ладно, тогда я пока побеседую с этим Смитом. Вы двое будьте здесь. Мистер Шерингэм, желаете присутствовать?

– Если не возражаете... – вежливо отозвался тот.

– Нисколько. Думаю, мистер Эн... Не важно. Смит тоже. Да-да, Эффорд, пропустите, если это он.

Мистер Энизма Смит был приятным мужчиной лет пятидесяти и, несмотря на то, что явно чувствовал себя не в своей тарелке, казался приятно взволнованным. Помявшись в дверях, он обвел комнату взглядом и, не задумываясь, обратился к Морсби.

– Похоже, дело и впрямь плохо, да?

Роджер подумал, что мистеру Энизме Смиту не откажешь в проницательности.

– Боюсь, что так, сэр, – с редкостным дружелюбием откликнулся Морсби.

Роджер с интересом наблюдал, как его манеры, и без того никогда не отличавшиеся обычной для полицейских резкостью, с приходом мистера Смита стали чуть ли не обходительными. Если Морсби нужна была информация, его собеседник просто утопал в густом и плотном облаке дружелюбия. Этот метод действовал безотказно.

– Если уж напрямик, то этой ночью здесь убили мисс Барнетт.

– Убили! – Не было никаких сомнений, что ужас мистера Энизмы Смита неподдельный. – Боже правый! Невероятно. Я хочу сказать, это слишком ужасно... Чудовищно! Но тогда эти звуки, которые мы слышали... мы с женой... тогда... боже мой!., тогда, значит, это оно и было. Слушайте, но, получается, у меня есть для вас ценнейшая информация. Нас разбудило...

– Да, сэр, именно так мне и передавали, – ловко вмешался Морсби. Поэтому я и взял на себя смелость попросить вас спуститься и рассказать все нам. Думаю, нам будет удобней беседовать, если вы присядете. Сержант Эффорд, вам не трудно подать мистеру Смиту стул? Итак, сэр, меня зовут Морсби, старший инспектор Морсби из Скотленд-Ярда, а это окружной инспектор Мерримен; как видите, здесь вы можете говорить совершенно свободно и все нам рассказать.

Окружив таким образом мистера Энизму Смита атмосферой доверия и уюта, ему мягко сообщили, что сведения, которыми он может и должен поделиться в первую очередь, касаются его собственных имени, адреса и рода занятий. В последнем вопросе, однако, мистер Смит оказался далеко не столь сведущ, как от него ожидалось.

– Наверное, лучше всего определить это как кинопрокат, – нерешительно проговорил он, – хотя, по правде, давно уже это было. В любом случае, именно этим я и занимался,

когда еще можно было найти хороший фильм по приличной цене. Чем я занимаюсь теперь, – откровенно поведал мистер Энизма Смит, – один бог ведает.

– Конечно, сэр, – проворковал Морсби. – Разумеется. Кинопрокат. А теперь не могли бы вы в точности вспомнить, что именно слышали этой ночью?

– Разумеется. Вчера вечером мы с женой улеглись довольно-таки рано – последнее время все чаще так делаем.

Годы-то уже не те, да и устаешь быстрее... Ну, сам я сплю очень крепко, да и жена, как правило, тоже. И, однако, посреди ночи она проснулась и говорит мне: «Да чем там эта мисс Барнетт занимается? Ты только послушай. Похоже на то, что она крушит мебель». Может, жена и не совсем так сказала, но смысл был такой. Ну, я прислушался, и будь я проклят, если минутой позже на раздался такой грохот, точно она зашвырнула в угол два медных таза и два утюга вдогонку. «Ну, черт меня побери!» – сказал я. Кажется, именно так и сказал. «Думаешь, у нее все в порядке?» – спрашивает тогда жена. «Ну, – отвечаю, – если ей взбрело в голову громить свое гнездышко, кто мы такие, чтобы ей мешать?» Потому что не знаю, говорили вам уже или нет, но та еще штучка была эта мисс Барнетт. Хотя, старость не радость. Да если бы я хоть на минуту мог представить...

– Сколько тогда было времени, вы, я думаю, не заметили?

– Именно что заметил! – торжествующе вскричал мистер Энизма Смит. – Я спросил у жены: «И вообще, сколько сей-

час времени?» А она посмотрела на свой будильник – он у нее такой, знаете, со светящимся циферблатом – и говорит: «Половина второго»!

– Прекрасно, – воодушевился Морсби. – Благодарю вас, мистер Смит. Эта информация может оказаться просто бесценной. И что же, шум повторился?

– Нет, на этом все стихло. Но жена говорит, что разбудила меня далеко не сразу. Так что мы просто перевернулись на другой бок и снова заснули. Господи боже, только представить! И все это время бедная старушка лежала прямо над нашими головами! Ее спальня, знаете, прямо над нашей. Чудовищно, просто чудовищно! А как, говорите, ее убили?

Старший инспектор утолил вполне естественное любопытство мистера Энизмы и вернулся к своим вопросам. Ничего существенного, однако, больше из него вытянуть не удалось. Мистер Смит не слышал наверху никаких шагов, не припоминал никаких подозрительных звуков снаружи и ни одного подозрительного субъекта, праздно шатающегося возле дома после наступления темноты.

К удивлению Роджера, когда допрос уже подходил к концу, Морсби вдруг повернулся к нему:

– Мистер Шерингэм, возможно, у вас есть какой-то вопрос, который вы хотели бы задать мистеру Смигу, пока он не ушел?

Роджер вытаращился на старшего инспектора, пытаясь обратиться с мыслями. Он уже совсем было хотел признаться

что вопросов не имеет, когда ему в голову пришла мысль.

– Да, – сказал он. – В какой школе вы учились, мистер Смит?

– Я? В Редли. А что?

– Да нет, ничего, – ответил Роджер и кивнул Морсби.

Мистера Смита деликатно выпроводили.

– Ну-с, мистер Шерингэм, раз уж вы намерены решить эту задачу раньше нашего, – весело подмигнул ему старший инспектор, – я бы никогда себе не простил, если бы лишил вас хоть единого шанса.

– Я, пожалуй, пас, – рассмеялся Роджер. – Мне нравятся трудные случаи.

– Понимаю, сэр. Ну и как вам мистер Энизма?

Роджер подумал.

– По-моему, ему стоило больших трудов не называть вас «старина».

– В самое яблочко, – хохотнул старший инспектор. – Что-нибудь еще?

– Ну, он человек дружелюбный, импульсивный, явно знал лучшие времена. Немного впечатлительный. Больше всего его поразило то, что они спокойно перевернулись на другой бок и заснули как раз в тот момент, когда у них над головой убивали мисс Барнетт.

– Что, разумеется, было совсем не так, – небрежно заметил Морсби. – Они проснулись от шума, который убийца поднял, когда искал деньги. Со старушкой он разделал-

ся много раньше, и именно пока оба они безмятежно спали. Ладно, Эффорд, запускайте жену.

Миссис Энизма Смит, столь ловко разлученная со своим мужем, подтвердила все, что тот имел сообщить, дополнив рассказ лишь описанием шума, который слышала до того, как его разбудить: несколько тяжелых ударов, словно кто-то в ярости опрокидывал – чтобы не сказать расшвыривал – мебель. Миссис Энизма Смит была высокой ухоженной женщиной с седеющими волосами и спокойными манерами; известие о смерти мисс Барнетт, хотя, разумеется, и повергло ее в шок, произвело на нее куда меньшее впечатление, чем на мужа. Роджер решил, что она определенно гораздо более практична и, возможно, даже более деловита, чем ее довольнотаким воздушный муж. Роджер почти не сомневался, что именно благодаря ей семейная фамилия облагородилась добавкой «Энизма».

– Теперь займемся соседкой напротив, – сказал Морсби, когда миссис Энизма Смит удалилась. – Как бишь ее? А, да, миссис Роуч.

– Пилчард, сэр, – почтительно подсказал сержант Эффорд.

– Пилчард, да. Она здесь?

– Не то слово, – жестко усмехнулся окружной инспектор. – Точнее будет сказать, что она всюду. Когда я появился, она как раз пыталась прорваться к телу, хотя хоть убей не представляю, что бы она стала с ним делать дальше. Я уговорил

ее вернуться в свою квартиру.

– Да, Мерримен, вы умеете ладить с людьми, – заметил Морсби.

– Иногда удается, – мрачно отозвался окружной инспектор. – Эту пришлось уговаривать с помощью констебля, который силой запихал ее в квартиру. Она и сейчас там, если, конечно, констебль не ушел спать.

– Выпускаем ее, – объявил Морсби. – Попробуйте выковырять ее оттуда, Эффорд.

Сержант Эффорд ушел, бормоча что-то о гвоздях и моллюсках.

– Вы, кажется, заскучали, мистер Шерингэм? – участливо осведомился Морсби. – Должно быть, на редкость тоскливое занятие, наблюдать за работающими полицейскими?

– Заскучал? Избави боже! Я просто задумался. Я так понял, этот парень вчера просто потерял голову?

– Не совсем. Обычно это случается где-то через месяц после приговора. А почему, кстати, вы так решили, сэр?

– Я про весь этот шум, который он здесь устроил. Когда я сказал Бичу, что соседи просто обязаны были услышать такой грохот, он ответил, что шуму могло быть гораздо меньше, чем может показаться при взгляде на комнату. Что никто не опрокидывал шкафы, а просто осторожно клал их на бок. И, однако, если верить миссис Смит, их именно опрокидывали. Вот я и говорю, что он, должно быть, совсем потерял голову.

– Он потерял ее уже потому, что пошел на убийство, мистер Шерингэм, тут вы абсолютно правы. И очень может быть, что он снова обрел ее только после того, как наделал здесь столько шума. Возможно, именно этот грохот и заставил его прийти в себя. Это, кстати, отлично увязывается со словами миссис Смит, что она не слышала никаких шагов, хотя и очень старалась. Наверное, он сто ял там ни жив ни мертв, выжидая, поднимет кто-нибудь тревогу или нет.

– Здорово же ему тогда пришлось потрудиться, чтобы прийти в себя, саркастически заметил Роджер. – Просто опрокинуть всю мебель оказалось недостаточно. Чтобы окончательно успокоиться, ему пришлось еще швырнуть в угол пару тазиков и запустить им вслед столько же утюгов. Так, что ли, получается?

– Вы любитель поспорить, не так ли, мистер Шерингэм? – ровным голосом осведомился Морсби.

Роджер рассмеялся. Поспорить он и вправду любил. К сожалению, появление миссис Пилчард исключило всякую возможность заниматься этим и дальше.

Миссис Пилчард оказалась не слишком опрятно одетой приземистой и коренастой особой. Уже подсохшие на ее лице слезы не мешали ей быть сердитой. Очень сердитой. Она говорила с легким ирландским акцентом и, не мешкая, вылила на собравшихся поток слов, живописующих чудовищную жестокость, пугающую черствость и доходящий до идиотизма непрофессионализм людей, лишивших покойную за-

бот единственного во всем мире близкого ей человека.

Роджер так и не понял, каким образом Морсби удалось с ней сладить, но уже через три минуты миссис Пилчард с не меньшей горячностью умоляла простить за недомыслие, побудившее ее вмешиваться в сложнейшие процессы расследования, призванного отомстить за ее подругу. И хотя главная заслуга в столь чудесном превращении принадлежала, вне всякого сомнения, Морсби, Роджер не мог отделаться от ощущения, что известную роль в нем сыграли и странности кельтского темперамента.

Когда мир был восстановлен, миссис Пилчард торжественно согласилась выполнить свой долг свидетеля.

Она заявила, что мисс Барнетт практически не имела от нее секретов. Всю жизнь покойной, равно как и свою собственную, она может выложить перед инспектором как на ладони – ему только нужно сказать, о какой именно он хочет сейчас услышать.

Старший инспектор сказал, что для начала, и поскольку так уж заведено, он хотел бы услышать немного о самой миссис Пилчард.

С этим проблем не возникло. Вдова, девичья фамилия – Керри. Родилась в Ирландии, в Корке, где у отца была адвокатская практика. После его смерти – ей не исполнилось и двенадцати – они с матерью, которая была англичанкой, перебрались в ее родной город Истбурн, где вели довольно сомнительное существование, довольствуясь помощью еще

оставшихся родственников. Именно там юная мисс Керри и познакомилась с мистером Пилчардом, торговцем шерстью из Брэдфорда, который сразу же подпал под ее чары, как, впрочем, и она под его. Дальше была свадьба и маленький домик на окраине Бредфорда. Мистеру Пилчарду повезло. Во время войны шерстяной бизнес здорово пошел в гору, и мистеру Пилчарду хватило благоразумия продать дело на самом пике поднявшегося после нее бума. Вскоре после этого он увенчал свои заслуги добродетельного отца семейства скоропостижной смертью и завещанием в пользу жены, предоставив ей тем самым возможность жить в достатке, если не в роскоши, и там, где ей будет угодно. Мисс Пилчард было угодно поселиться в Лондоне, а именно в многоэтажном доме на Плэт-стрит, что она и сделала шесть лет назад. Мисс Барнетт, к тому времени уже прожившая в своей квартирке несколько лет, неожиданно прониклась симпатией к вдове покойного торговца шерстью. К нескрываемому изумлению миссис Бойд, между ними тут же установилась близкая дружба, скоро перешедшая в близость. Должно быть, мисс Барнетт давно уже испытывала смутную потребность кому-то довериться, поскольку взялась за дело с таким жаром, точно хотела наверстать упущенное время. Последние два года, насколько знала миссис Пилчард, у них просто не было друг от друга секретов.

– Так, – сказал старший инспектор Морсби, когда все это было стремительно свалено перед ним в кучу, и переключил

напористую речь миссис Пилчард на воспоминания о подруге.

– Да, конечно... Аделаида – мисс Барнетт – родилась в Ноттингеме. Ее отец был бакалейщиком. Да, бакалейщиком. Скажу прямо, – решила миссис Пилчард. – Я не решилась бы назвать Аделаиду леди.

Старший инспектор выразил свое сочувствие по поводу столь серьезного недостатка.

Когда миссис Пилчард принялась рассказывать дальше, стало очевидно, что покойная мисс Барнетт в лучшем случае действительно не была леди, а в худшем, что она была далеко не леди. Беда грянула со смертью бакалейщика Барнетта. Впрочем, он на редкость удачно успел скончаться еще до того, как по нежные души бакалейщиков явились правительственные инспекторы со всевидящим оком и походными весами. Детей было всего двое: мисс Барнетт и ее брат. Бакалейщик Барнетт оставил бизнес сыну, двадцать тысяч фунтов в консолях и индийский четырехпроцентных – дочери, и... Забыл распорядиться домом и мебелью. Брат утверждал, что они являются неотъемлемой частью бизнеса, сестра придерживалась мнения, что они естественным образом дополняют индийские четырехпроцентные. (Миссис Пилчард дала понять, что лично она считала мнение мисс Барнетт совершенно справедливым и обоснованным.) Уступать никто не хотел. В конце концов более покладистый от природы брат предложил продать все разом и разделить деньги. Мисс

Барнетт с ходу отвергла это оскорбительное предложение и, дождавшись, когда дела призовут брата в Лондон, продала все сама и с триумфом отступила на Плэт-стрит, прихватив всю добычу. Брат удовольствовался письменным извещением, что даже и не мечтал избавиться от нее за такую сумму. С тех пор минуло двадцать восемь лет, и за это время они не перекинулись ни словом.

– Ясно, – сказал старший инспектор, потирая подбородок. – Нужно будет связаться с этим братом. Не знаете, случаем, он все еще в Ноттингеме?

– Уже нет, – с готовностью ответила миссис Пилчард. – Он в аду.

– Простите? – переспросил неприятно удивленный инспектор.

Миссис Пилчард объяснила, что Барнетт-младший, как выяснилось, обладал настолько утонченной организацией, что она, хоть и позволяла ему оскорблять беззащитных женщин, никак не подходила для бакалейного бизнеса. Вскоре после ссоры он продал дело, а на вырученные средства, насколько миссис Пилчард было известно, почти полностью спустил на эксперименты в области цветной фотографии, которой здорово увлекался. Впрочем, когда все его опыты оказались бесплодны, а деньги кончились, он в ней разочаровался и умер. И поделом, – заключила миссис Пилчард.

– Да уж, – дипломатично пробормотал старший инспектор. – Стало быть, мисс Барнетт все же поддерживала отно-

шения со своим братом?

– Вот еще! После всего, что он ей сделал? Это его дочь, племянница мисс Барнетт, написала ей и сообщила, что он помер. Я это письмо видела. В жизни не читала более чопорного и сухого послания. И ведь знала, что отец и словом не обмолвился с теткой больше чем за двадцать лет, а вот, видно, решила, что обязана известить: мол, ваш брат толь ко что умер, похороны там-то тогда-то. И нахальная же девица! Очевидно, вся в отца. Мисс Барнетт, разумеется, и бровью не повела. А больше девчонка и не писала.

– А, значит, все-таки есть живые родственники?

– Да она и не знала о них, пока это письмо не пришло. И о девице этой в первый раз слышала. И что брат женился – тоже.

– Девушка не упоминала, она единственный ребенок в семье или есть еще кто-то?

– Боже упаси! Ничего подобного в этом письме не было, хотя могла бы, кажется, догадаться, что именно это тете и интересно, раз уж она даже о племяннице своей не знала.

– Ну, во всяком случае, теперь нам известно, что она есть и если не умерла с тех пор, приходится покойной ближайшим родственником. Сержант Эффорд, займитесь этим. Думаю, ее не трудно будет найти. Потом, глядишь, и письмо ее отыщется.

– Не отыщется, – фыркнула миссис Пилчард, – поскольку Аделаида швырнула его в камин, как только мы его прочита-

ли. Но могу вам сказать, девчонку зовут Стелла. Подписано Стеллой Барнетт. Собственноручно, – с негодованием сообщила миссис Пилчард. – А своего отца она непременно хотела кремировать – представляете? – в Голдерс Грин. Впрочем, туда ему и дорога.

Морсби переглянулся с Роджером и явно уже не для протокола поинтересовался, правильно ли он понял, что миссис Пилчард кремацию не одобряет?

– Нет! – с чувством ответила пожилая леди. – Разве это не против Святого Писания? «Где выживут черви», – сказано в Библии. Хорошенькие шансы у червей будут в крематории!

– Но не сказано ли далее: «И не угаснет огонь их»? – мягко заметил Роджер. – Мне кажется, крематории отлично сюда вписываются.

Миссис Пилчард ограничилась стандартной концовкой религиозных прений, презрительно и вызывающе фыркнув.

– Ну полно, полно, – проговорил Морсби. – Мы, кажется, несколько уклоняемся от темы, верно? Итак, мистера Барнетта должны были кремировать в Голден Грин, не так ли? Ну, этого для нас более чем достаточно. Как давно все это было, мадам, хотя бы примерно?

Миссис Пилчард думалось, что лет пять с тех пор уже точно прошло. Кстати уж, девчонка писала из какого-то местечка в Хартфордшире, что-то такое на Вуд, помнится Морсби сделал пометку и перешел к расспросам о материальном положении мисс Барнетт.

Миссис Пилчард и здесь оказалась просто кладезем информации. Мисс Барнетт и в голову не пришло обменять на что-нибудь оставленные ей отцом ценные бумаги, но, поскольку консоли упорно падали в цене, ей приходилось быть все более и более осторожной. И вот эту-то вынужденную осторожность злые языки выдавали за скряжничество. Не то чтобы мисс Барнетт проживала хотя бы проценты, боже упаси, да и какой разумный человек станет так делать? Кроме, разве, нас, ирландцев, – жизнерадостно добавила миссис Пилчард, – ну так ведь каждому известно, что ирландец с рождения не в себе.

– А что же тогда мисс Барнетт делала со своими сбережениями? – спросил Морсби, равнодушный к национальным особенностям ирландцев.

– А я вам скажу, что она с ними делала, – с нажимом ответила миссис Пилчард. – Она не хранила их в банке. Сколько раз я ей говорила: «Аделаида, говорила я ей, – послушай совета...»

– Она хранила их здесь?

– И вот теперь мои слова сбылись, – миссис Пилчард вдруг сорвалась на вой, – и ее из-за них убили. Я знала, знала, что так и будет. Но она не слушала меня, никогда не слушала. Да, она держала их здесь. Как только подходил срок очередных дивидендов, сразу их обналичивала и складывала в сундук под кроватью. Когда ей нужны были деньги, доставала оттуда сколько нужно; за все платила только наличными. Иногда,

когда сундук начинал переполняться, покупала еще немного консолей или этих индийских акций – никогда ничего другого, да и то не часто. Говорила, ей нравится смотреть на свои деньги, только тогда она могла быть за них спокойна. Я сколько раз помогала ей пересчитывать, сколько денег осталось в сундуке, хотя она и так наперед все знала до шиллинга. Удивительная у нее была голова на цифры, у бедняжки. Да, вот под кроватью она сундук всегда и держала. Теперь уж, думаю, его там нет?

– Есть. Только пустой.

Роджер поднял брови. О сундуке он слышал впервые. Он даже не слышал, чтобы кто-нибудь пробовал отыскать будто бы спрятанные здесь деньги.

– Вы можете сказать, сколько денег там было?

Миссис Пилчард помолчала.

– Так, дайте подумать. Последний раз мы пересчитывали их чуть не месяц назад. Насколько я помню, тогда там было около шестисот фунтов. Да, что-то между пятью и шестью сотнями. Почти все в фунтовых и десятишиллинговых купюрах.

Морсби присвистнул.

– Ну, сержант, как вы и говорили, с мотивом все ясно. Достаточно, чтобы соблазнить любого профи. Странно, как это до нее раньше никто не добрался.

Он задал миссис Пилчард еще несколько вопросов, касавшихся главным образом ночного шума, но без всякого ре-

зультата. Она ровным счетом ничего не слышала. Она не видела веревки, свисающий из окна мисс Барнетт до тех самых пор, пока миссис Бойд не обратила на это ее внимание, да и вообще закрутилась этим утром настолько, что никак не могла навестить подругу. В конце концов, у каждого своя жизнь, пояснила миссис Пилчард. И поскольку она не выходила из своей квартиры, то никак не могла заметить, что бутылочка с молоком так и осталась стоять у ее соседки под дверью. Тем не менее, когда ближе к часу миссис Бойд поднялась к ней за советом, именно она пересекла лестничную клетку и постучалась в дверь мисс Барнетт, и именно она, не дождавшись ответа, настояла на том, чтобы вызвать полицию. Миссис Пилчард особенно напирала на это, видимо, не вполне уверенная, что ее праведный поступок будет оценен по достоинству.

Покончив с вопросами, Морсби разрешил миссис Пилчард заглянуть в сопровождении Эффорда в спальню и попрощаться с подругой до того, как ее увезут в морг.

– Ну вот, собственно, и все, – заявил Морсби, мощно потягиваясь. Здесь, конечно, еще раз все тщательно осмотрят, но многого я от этих поисков ожидать бы не стал. Вне всякого сомнения, он успел скрыться с добычей. Присмотрите за поисками, ладно, Мерримен? Ну вот, мистер Шерингэм. Скучновато, не правда ли?

– Да что вы! Все это крайне интересно. А как, по-вашему, скоро вы его поймаете?

Старший инспектор зевнул.

– Может, когда я вернусь, Бич его уже вычислит. Могу, кроме того, сказать, что свое мнение я уже составил. Он сейчас, конечно, заляжет, но это дело поправимое. Что скажете, Мерримен? Сколько нам нужно, чтобы его взять? Сорок восемь часов?

– Максимум, – отозвался окружной инспектор. – А у вас, значит, свое мнение, мистер Морсби? Бич считает, здесь поработал Красавчик Берти.

– Красавчик Берти сейчас и мухи не обидит, – добродушно ответил Морсби. – Но я вам назову три имени. Сэм Роберте, Альф Джексон и Джим Уоткинс, он же Кембервильский Малыш. Выбирайте.

– На Сэма Робертса не похоже, – задумался окружной инспектор.

– Нет, я тоже так не думаю. С другой стороны... Войдите! О, это вы, Бич. Ну?

– Вернулся кое-что проверить, сэр, – сказал инспектор Бич. – Я сейчас заглянул в архив и выбрал семь карточек, но... – Он нагнулся над кусочком засохшей грязи, который все еще лежал на столе, и принялся внимательно его изучать.

– Семь? – насмешливо протянул Морсби. – Я только что поставил на двоих.

– А теперь остался один, – заявил Бич, выпрямляясь. – Все сходится. Я, конечно, не эксперт, но эту грязь знаю. Сталкивался уже как-то раз. Такой характерный красно-ко-

ричевый цвет и примесь песчаника – я ее всюду узнаю. Она из Брейсингема. Это Кент, миль двадцать от Лондона. Ну, вот и отлично.

Инспектор Бич был явно доволен собой.

– Выкладывайте, Бич, – ухмыльнулся Морсби. – Кто?

– Джим Уоткинс. У него в Брейсингеме подружка.

– Я выиграл, – коротко сообщил Морсби. – Как вы и говорите, Бич, все сходится. Чертов Кембервильский Малыш.

– Вы хотите сказать, что вычислили его по одному этому куску глины? – недоверчиво спросил Роджер.

Инспектор Бич выглядел жутко самодовольным.

– Нет, сэ. Глина – это уже так, контрольная проверка. А всего я учел двадцать два показателя: квартирная кража, способ проникновения внутрь, способ отхода, потребление спиртных напитков, нетронутая еда, использование свечи для освещения, преднамеренный погром в квартире, произведенные грабителем шумы и многое другое. Четверо подходили по пятнадцати пунктам, двое – по двадцати, один – по двадцати одному, а вот Джим Уоткинс – по всем разом. Вот это и называется у нас *modus operandi*, сэ. Стопроцентная гарантия. А с этой глиной и подавно.

– О! – сказал Роджер.

– И теперь, мистер Шерингэм, – вступил Морсби, – нам остается только найти его и доказать тупоголовым присяжным, что он действительно это сделал, и мы это докажем, какими бы тупоголовыми они ни оказались. Ах да, мистер

Шерингэм, если у вас есть такое желание, в течение сорока восьми часов вы сможете лично пожать мистеру Джиму Уоткинсу руку в его маленькой и уютной камере.

– Спасибо, – лаконично ответил Роджер. – Мне, как гражданину, крайне импонирует ваша уверенность.

– Представить только! – вздохнул старший инспектор.

– Что представить?

– Что Малыш взял и сделал такую глупость. Должен признаться, мистер Шерингэм, я о Малыше лучшего мнения.

Инспектор Морсби сказал это так, будто самый его близкий и уважаемый друг непостижимым образом вдруг сбился с пут истинного.

Глава 4

В свою квартиру в Олбани Роджер возвратился с кучей новых впечатлений, которые, впрочем, не слишком его затронули. Ему и на минуту не приходила в голову мысль заняться этим делом самостоятельно. Это был, как наглядно показал ему Морсби, именно тот случай, для возни с которыми и придумали Скотленд-Ярд: работа профессионального вора. Правда, как раз этот случай был своего рода исключением: профессионалы редко идут на убийство. Девяносто девять убийств из ста совершается людьми, с которыми Скотленд-Ярд никогда прежде не сталкивался и никогда о них не слышал по той простой причине, что это их первое и последнее преступление. И, как следствие, в девяносто девяти случаях из ста полицейский аппарат работает хоть и не совсем вслепую, но уже без помощи уголовного архива, этого криминального тотализатора. И то, что девяносто восемь из них ему удастся раскрыть, весьма красноречиво говорит в его пользу (именно девяносто девятый случай всегда попадает в печать, большинство из оставшихся девяноста восьми откровенно, пользуясь выражением Морсби, скучноваты).

Роджер, однако, был достаточно любознателен, чтобы двумя днями позже, совершая утренний моцион, явиться в Скотленд-Ярд и осведомиться у Морсби, как продвигается дело. В утренних газетах сообщалось, что нового ничего не

нашли и что полиция уверена в скором аресте преступника.

Оказалось, что Морсби уже передал материалы подчиненным, сказав, что он здесь уже совсем ни к чему: все остальное – дело техники. Нет никаких разумных оснований сомневаться в личности преступника; факты, открывшиеся позднее, только подтвердили выводы Морсби и инспектора Бича. Например, анализ глины. Шесть других подозреваемых, взятых на заметку Бичем, были проверены, и их алиби вполне удовлетворило полицию. Более того, Кембервильского Малыша уже несколько дней не видели в местах, обычно им посещаемых, и никто из его приятелей не смог указать, где он сейчас находится, что само по себе является косвенным признанием вины. Так что все дело упирается лишь в обнаружение тайного лежбища Малыша.

– А это, мистер Шерингэм, вряд ли займет много времени, – заключил Морсби, еле сдерживая зевок.

– И больше никаких новостей?

– Ах да, забыл: нашлось еще несколько свидетелей. Пятеро видели мужчину, который стремглав бежал от «Монмут-мэншинс». По разным данным, это было где-то от часа двадцати минут до часа тридцати восьми пополудни.

Роджер улыбнулся тому, как совершенно машинально инспектор переключился на профессиональную фразеологию.

– А описание беглеца совпадает с приметам Малыша?

– В известной мере, сэр, в известной мере. Конечно, невозможно точно описать человека, который пронесся в

секунду мимо тебя, и вы удивитесь, как по-разному люди описывают то, что видели. По правде говоря, это хороший пример того, в каких условиях нам зачастую приходится работать. – Морсби подтянул к себе пухлое досье и перелистал несколько страниц. – Вот, пожалуйста. Альберт Уштинс, зеленщик, возвращался домой с Плэт-стрит, на углу Юстон-роуд его обогнал быстро бегущий человек, который повернул налево вниз по Юстон-роуд; на голове у бегущего была суконная шапка, низко надвинутая на глаза; одет просто, должно быть рабочий, телосложение плотное, лицо злое; примерное время – 1.30. (Примечание: свидетель – человек маленького роста, нервического склада.)

Далее, Джон Кросс, шофер, ставил машину хозяина в гараж, расположенный на другой стороне переулка позади «Монмут-мэншинс», когда заметил, что через стену, огораживающую двор дома, перелез человек, который потом побежал вниз по переулку; свидетель не нашел в этом ничего подозрительного и не бросился вслед за ним, но хорошо разглядел бежавшего: мягкая фетровая шляпа, пиджачная пара; телосложение хрупкое, похож на джентльмена; примерное время – 1.22.

Миссис Мейбл Джентри, по профессии экономка (попросту уборщица), проходила Стоунз-элли в самом конце и увидела человека, выбежавшего на Плэт-стрит по направлению к Юстон-роуд; с другого конца улицы она заметила, что он был в легком плаще и без шляпы; особенно подчеркива-

ет, что без шляпы, потому что это не сочеталось с плащом; утверждает, что бежавший был невысокого роста, с широким, круглым, белым лицом, глаза испуганные; бежал очень быстро; примерное время – 1.38. (Примечание: объяснения свидетельницы относительно причин ее пребывания на Плэт-стрит в такое время противоречивы. Не исключено, что она находилась под воздействием алкоголя.)

Альфред Теннер, кондуктор автобуса, увидел бегущего человека из окна автобуса, следовавшего по Юстон-роуд. Человек появился сразу на Плэт-стрит и бежал в направлении Уоррен-стрит-стейшн; автобус ехал быстро, но человек некоторое время держался вровень с ним, и кондуктор хорошо его рассмотрел, поскольку подумал, отчего тот не впрыгнет в автобус, если так торопится; бегущий был без шляпы и старательно отворачивал лицо в сторону тротуара; телосложения хрупкого; одет в костюм из синей саржи, вполне приличный, но поношенный, плаща на нем не было, это точно; когда автобус обогнал бегуна, кондуктор рассмотрел его лицо, бледное, перекошенное от физического напряжения; как выразился свидетель, формулируя свои впечатления, это был «джентльмен, доведенный до точки»; дышал тяжело и, очевидно, был на пределе; свидетель наблюдал за ним, пока тот не свернул вниз по Тоттенхем-корт-роуд; примерное время – 1.32. (Примечание: свидетель – человек неглупый, наблюдательный, достойный доверия.)

Постовой-регулирующий Х-1158 Эдвард Лофти находил-

ся на посту на перекрестке Юстон-роуд, Тоттенхем-Корт-роуд и Хампстед-роуд. Движение было еще оживленным. Увидел бегущего человека. Медленно, до крайности изможденный, тяжело дыша, тот бежал вдоль Юстон-роуд по направлению от Юстон-стейшн; на Тоттенхем-корт-роуд он свернул, телосложение хрупкое; без шляпы, синий костюм, без плаща, лица разглядеть не удалось; на пиджаке правый карман вздут, примерный рост пять футов восемь дюймов; безусловно не рабочий, скорее клерк; двигался как человек молодой, но усталый; приблизительный возраст – не больше тридцати; точное время – 1.30; свидетель подумал, что бегущего надо остановить, но решил, что движение слишком интенсивно, чтобы можно было оставить пост, пренебрегая опасностью.

– Черт бы побрал этого недоумка. – Морсби сбился на неофициальную лексику.

– И вы хотите сказать, что все эти показания относятся к одному человеку? – спросил Роджер. – Два последних сходятся, но другие!

– Это вечная история. – Морсби был лаконичен. – Чаще всего нам везет еще меньше: редко попадается свидетель столь надежный, как этот кондуктор, не говоря уж о нашем брате полицейском.

– Значит, свидетель видел, как он перелез через стену. Это хорошо. Есть какие-нибудь следы?

– Да. Место, где он перелезал, нашли легко, но, увы, ничего полезного.

– И вы считаете, что эти показания – то есть те из них, которым можно доверять, – соответствуют данным Джима Уоткинса? Если я правильно запомнил его имя?

– Да, вполне. Он такой невысокий, аккуратненький. Вы бы приняли его за старшего продавца из дорогого магазина.

– Что ж, это приятная новость. А как с обыском? Появилось что-нибудь интересненькое?

– Увы, ни полпенни. Обшарил до нитки. Так что нет, ничего не нашли. Даже завещания.

– О? Значит, наследует племянница. Везучая девочка. Или все-таки есть старший брат? Я полагаю, вы нашли ее?

– Да, она живет в районе Теобалд-роуд. Секретарша. Нет, братьев нет, она единственный отпрыск. Но что касается наследства... – Морсби пожал плечами.

– А что такое?

– Ну, она, видите ли, заявила, что не примет его буквально. Не знаю, могут ли ее принудить юристы. Говорит, что никогда не видела тетку и то, что слышала о ней, заставляет радоваться, что знакомство не состоялось. Говорит, что уверена: тетка и не собиралась оставлять ей свои Деньги и что где-то обязательно должно быть завещание; но даже если все отписано ей черным по белому, все равно она не возьмет ни пенни; не хочет оказаться в долгу, даже перед покойницей, перед человеком, который так гнусно обошелся с ее отцом; и на этом точка, – заявила она.

– Так-таки точка? – с живым интересом спросил Роджер.

– Похоже, что так. Она показалась мне чрезвычайно решительной молодой леди. Я постарался уговорить ее пока что присмотреть за теткиними вещами, квартирой и прочим, и на это ушла уйма высокопарных слов о долге, о моральных обязательствах и бог знает еще о чем, так что она занялась этим, пока, по ее словам, не объявится законный наследник.

– Чистая мелодрама, – прокомментировал Роджер. – Интересная девица эта мисс Барнетт-младшая. Если бы кто-то мне не известный, судя по всему весьма неприятный, помер и оставил при этом двадцать тысяч фунтов, я бы не стал разглагольствовать на высокие темы. Я бы от души порадовался. А вы?

– И я тоже, сэр. Но, знаете, о вкусах не спорят. А мисс Стелла Барнетт производит впечатление весьма независимой леди.

– И возбуждающей любопытство, – задумчиво проговорил Роджер. – Хотел бы я с ней познакомиться. Молодая женщина, способная махнуть рукой на двадцать тысяч фунтов, может оказаться мне очень кстати.

Бессердечного, как все сочинители, Роджера привлекали неординарные и своеобразные натуры, дабы использовать их в своих романах, и можно лишь удивляться, как редко ему удавалось отыскать что-то действительно нетривиальное или на худой конец хотя бы любопытное.

– Ну, это знакомство организовать довольно просто, ми-

стер Шерингэм, успокоил его Морсби. – Она, насколько я знаю, находится там как раз в эту самую минуту. И сержант Эффорд тоже там. Так что, если бы я попросил вас отнести сержанту записку...

– Я с готовностью бы ответил, что буду в восторге, – улыбнулся Роджер.

Морсби взял со стола несколько фотографий и принялся засовывать их в конверт.

– Впрочем, мистер Шерингэм, не хотите ли взглянуть? – И он вытащил их из конверта.

Роджер взял фотографии, разглядел несколько смазанных и неинтересных пятен и осведомился, что это такое.

– Отпечатки пальцев Малыша. Мы нашли несколько на липких поверхностях – свечке и тому подобном. Как доказательства использовать нельзя, поскольку он был в перчатках, но выстроить обвинение они помогут.

– Каким же это образом?

– А вас ничто не удивляет, когда вы смотрите на них, мистер Шерингэм, а? – В голосе Морсби звучала насмешка. – Это просто странно. Я-то думал, вы сразу отмстите их изящество. Очень немногие из наших клиентов оставляют такие, но у Малыша руки как у девушки; кстати, он иногда это использует, переодеваясь женщиной, и получается на редкость убедительно.

– Чем крайне осложняет вам жизнь, – рассмеялся Роджер. – Не знаешь, кого искать, мужчину или женщину.

– Именно так. – Морсби снова засунул снимки в конверт. – Ничуть бы не удивился, если б выяснилось, что он и сейчас в женском обличье. Ну ничего, недолго ему осталось.

– Сорок восемь часов, – пробормотал Роджер. – У вас осталось всего два часа, чтобы выиграть пари.

– Значит, мне повезло, что вы его не приняли, не так ли? Вот, возьмите, сэр. Буду очень признателен, если передадите сержанту. Он поймет, что это такое.

Расплатившись с такси перед «Монмут-мэншинс», Роджер поднял глаза к окнам верхнего этажа. В этот момент в одном из них появилась швабра, энергично обмела оконный проем и убралась внутрь. Похоже, квартира мисс Барнетт подвергалась уборке, в которой давно нуждалась.

Однако Роджер поднялся наверх не сразу, а сначала пошел вдоль дома, до начала узкого переулка, и свернул в него. Не интуиция, а простая любознательность заставила его взглянуть на то место, где Малыш перелез через стену. С улицы он ничего не увидел, но напротив гаражей в стене обнаружилась дверь. Роджер дернул за ручку, и дверь отворилась. Изнутри она запиралась на задвижку, замочной скважины не было. Роджер вошел во двор и не обнаружил там ничего заслуживающего внимания.

Дверь квартиры номер восемь ему открыл не сержант Эффорд, а молодая женщина в комбинезоне и синем в белую клетку чепце, прикрывающем волосы от пыли.

– Я приехал из Скотленд-Ярда, – сказал Роджер, припод-

нимая шляпу. Это была правда, поскольку он действительно сейчас прибыл оттуда, но и неправда, если толковать широко. Однако лгать Роджер не собирался. Скажите, пожалуйста, здесь ли сержант Эффорд?

– Он в спальне. Найдете дорогу?

Роджер кивнул и пошел по коридору. Женщина скрылась в гостиной, и оттуда сразу донеслись звуки усердной уборки.

Сержант Эффорд мотнул головой на шум и усмехнулся:

– Я спросил, почему она не наймет уборщицу, а она говорит, квартира так загажена, что не хочется ни перед кем краснеть.

Сержант занялся фотоснимками, Роджер направился в гостиную.

Там было все вверх дном, даже хуже, чем в прошлый раз. Стулья на столах, ковер снят, картины тоже, и в густом облаке пыли – еле разглядишь – двигалась молодая женщина.

– Мне кажется, – мягко заметил Роджер, – пылесос здесь был бы не лишним.

– У меня его нет, – коротко бросила мисс Барнетт.

– А у меня есть.

– Рада за вас.

– Я имею в виду, что могу одолжить его вам, если вы не будете возражать.

– Благодарю, с удовольствием.

На этом, кажется, разговор себя исчерпал. Женщина, во всяком случае, больше не обращала на Роджера никакого

внимания. Видимо, считала, ему следует осуществить свое предложение. Поболтавшись с минуту безо всякого результата, Роджер отправился за пылесосом.

– На редкость прямолинейная особа, – пробормотал он, сбегая по лестнице.

«И к тому же отнюдь не неприятная на вид, – подумал он позже, когда, прислонясь к косяку, смотрел, как она ловко управляется с вышеупомянутым пылесосом. Наблюдение стало возможно благодаря исчезновению облаков пыли. Отнюдь не неприятная, хотя, на мой взгляд, пожалуй, чуть плотновата. На секретаршу совсем не похожа. Скорее на... На кого? На торговку рыбой? Во-первых, грубо, а во-вторых, ничего подобного».

Он решил перенять ее же прямолинейность.

– Знаете, мисс Барнетт, а вы напрасно пошли в секретарши.

Она выключила пылесос, чтобы ответить.

– Почему?

– Вы так виртуозно управляетесь с этой машиной!

– То есть лучше бы мне пойти в уборщицы?

– Возможно, – рассмеялся Роджер. – Но я не это хотел сказать. Просто вы выглядите как человек, созданный для жизни на свежем воздухе, а не в конторе.

– По образованию я учительница физкультуры и работала в... – Она назвала очень известную женскую школу.

– И расстались с этой профессией ради пишущей машин-

ки?

Она кивнула:

– Платили отвратительно, а кроме того, я терпеть не могу дисциплины.

– В каком смысле: подчиняться дисциплине или насаждать ее?

– И в том, и в другом, – без улыбки ответила мисс Барнетт. – Поэтому я прошла курс стенографии и машинописи и сейчас жалею об этом.

– Почему?

– Не могу найти работу. Поэтому-то у меня и есть время на уборку этой дыры неопикуемой.

– Послушайте... У меня есть кое-какая работа для секретарши. Если вы...

– Благодарю вас. В благотворительности пока не нуждаюсь, – твердо заявила мисс Барнетт. – И поскольку вы так явно интересуетесь состоянием моих дел, могу сразу сказать, что у меня вполне приличный доход, чтобы жить по-людски. Впрочем, вы наверняка это уже выяснили. Мой отец, знаете ли, спустил не все. Между прочим, следует ли считать нашу беседу официальной?

– Не следует. Боюсь, что вы неверно меня поняли. Я сказал, что приехал из Скотленд-Ярда, и это действительно так, но я там не служу. Меня зовут Роджер Шерингэм. Я писатель. Предложение остается в силе. Мне и вправду нужна секретарша. И если вам в свою очередь нужна работа, то вот

она перед вами.

– Роджер Шерингэм? Я читала ваши книги. Однако ваше решение довольно внезапно, вы не находите?

– Там, где дело касается человеческих характеров, моя профессия требует быстрых решений, – самоуверенно заявил Роджер. – Но на самом деле к этому решению меня подвигла ваша ловкость обращении с пылесосом.

– Что ж, мистер Шерингэм, если ваше предложение серьезно, я приму его. Сколько вы намерены мне платить?

Роджер смешался. На ум пришла сумма, смутно и подсознательно связанная с образом кабинета и пишущей машинки.

– Сорок пять шиллингов в неделю.

– Этого недостаточно, – мгновенноотреагировала девушка. – Вам требуется секретарша или машинистка-стенографистка?

– Ну, я полагаю, что секретарша, – неуверенно произнес Роджер, представления не имеющий, в чем, собственно, разница.

– Значит, вы должны предложить мне оклад, приличный для секретарши, строго объяснила мисс Барнетт.

– И какой оклад приличный для секретарши? – робко осведомился Роджер.

– Меньше чем за три гинеи в неделю я ваше предложение принять не могу.

– В таком случае три гинеи.

– Прекрасно. В девять утра в следующий понедельник я приступлю к работе. Будьте любезны сообщить мне ваш адрес. Благодарю вас, мистер Шерингэм, – произнесла она, записав адрес, тоном «я-вас-не-задерживаю» и снова включила пылесос.

Роджер вышел в коридор в состоянии полного изумления. «Зачем, во имя всего святого, – спрашивал он себя, – зачем я это сделал? Мне ведь ну совершенно не нужна секретарша! И даже если б была нужна, никогда в жизни я не взял бы ЕЕ! „Оклад, который приличен!..“ Я, черт возьми, не хочу приличную секретаршу! Если б я хотел, то именно неприличную, то есть такую, за которой можно приволокнуться. Великий писатель в минуты отдохновения и все такое... Но кому в голову может прийти ухлестывать за мисс Стеллой Барнетт? Уж скорее за стулом. И все-таки это странно, потому что она, безусловно, хороша: ореховые глаза, решительный подбородок хорошей формы, твердый, но ничуть не тяжелый, цвет лица прекрасный, волосы густые и мягкие. Да, несомненно хороша. Но привлекательности – ни на грош. Встречал ли я когда-нибудь хорошенькую женщину, которая не была бы привлекательна? Красота и привлекательность почти синонимы. Но мисс Барнетт – исключение. И вообще говоря, удивительная особа. Пожалуй, нечего убиваться, что я поддался импульсу и нанял ее, – она себя оправдает. И в конце концов, успокоил себя Роджер, поворачивая ручку двери в спальню, – всегда можно ее уволить».

Но уже тогда он отдавал себе отчет: чтобы уволить мисс Барнетт-младшую или использовать угрозу увольнения как оружие против нее – для этого понадобится кто-то очень уж смелый, не ему чета.

Он вошел в спальню.

Собственно, Роджеру совсем незачем было возвращаться в спальню. Возможно, он направился туда, инстинктивно ища общества представителя своего пола после столь волнующей беседы с представительницей пола противоположного. И теперь под вопрошающим взглядом сержанта Эффорда он с трудом нашелся, чем объяснить свое появление.

– Значит, ваши люди здесь уже все закончили, – сказал он, просто чтобы что-то сказать.

– Все, сэр?

– Я хочу сказать, неприкосновенность теперь вовсе не обязательна...

– А... вы про молодую леди. Да, гостиная нам больше не нужна, и шеф распорядился, чтобы я предоставил ее в распоряжение мисс. – Сержант хмыкнул: – Она прямо рвалась начать уборку и не отставала от меня, пока я не связался с шефом и не получил его добро.

Роджер понимающе хмыкнул в ответ.

– Впрочем, спальню и кухню мы пока запрем, – продолжал сержант. – В кухню я и иду.

– Я с вами, – сказал Роджер.

Продолжая болтать, они вышли в коридор, сержант очень

старательно закрыл на ключ и опечатал дверь спальни, а потом вскрыл и отомкнул дверь в кухню. Там он принялся что-то вымерять, а Роджер слонялся по этой крошечной площади, пока не замер, вдруг посерьезнев, у газовой плиты. Что-то тут было не так.

Сержант, настроенный поболтать, повествовал о том, сколько трудов он потратил в поисках свидетелей, которые видели, как Малыш входил в дом; расспросы отняли уйму драгоценного времени и ни к чему не привели.

– Не то чтобы я на что-то надеялся, – философически режумировал он, – но все равно следовало всех опросить. Конечно, нечего было и ждать, чтоб Малыш позволил кому-то себя заметить, это на него не похоже.

– А трудно было найти тех людей, которых назвала миссис Бонд, водопроводчика и прочих? – рассеянно поинтересовался Роджер, размышляя упорно: «Да что же такого необычного в этой плите? Ага, она крохотная и очень легкая, вот оно что».

– Трудно! – фыркнул сержант. – Но мы нашли всех. Во всяком случае, всех, кто может что-то знать. Кстати, мистер Шерингэм, мы получили подтверждение, что Малыш не мог войти в дом после десяти часов вечера, когда парадную дверь запирают. Тут нам повезло. В тот вечер что-то случилось с замком, заклинило и он не защелкивался. Я про автоматический американский замок говорю, ключ к которому есть у всех жильцов. А на двери есть еще старый тяжелый

врезной замок, уже много лет им не пользовались, но у мисс Бойд есть ключ, и она заперла дверь на него. Ей из-за этого пришлось выходить открывать дверь каждому, кто пытался войти после десяти вечера. Так что мы располагаем полным списком тех, кто возвращался домой между десятью и двенадцатью, позже этого часа уже никто не входил. В списке только жильцы. Это сэкономило мне уйму труда.

– А плиту передвигали? – вдруг спросил Роджер. Ну конечно! Какой же он болван!

Сержант помолчал, перестраиваясь на новую тему.

– Передвигали? Нет, сэр. В кухне все стоит на своем месте, ни до чего не дотрагивались.

Роджер посмотрел на плиту, что-то прикидывая, потом – на сержанта.

– Эта плиточка ведь очень маленькая, согласитесь? Вы один вполне могли бы поднять ее, сержант.

Сержант в свою очередь прикинул эту плиту на вес.

– Вполне возможно, сэр. А что?

– Подумайте сами, сержант, разве не странно? Плита обвязана веревкой точно посередине и стоит в добрых трех футах от наружной стены. Помню, когда в прошлый раз я увидел ее, то подумал: не могут ли ваши специалисты определить вес человека, повисшего на веревке, обвязанной вокруг этой плиты, по расстоянию, на которое плита сдвинулась под тяжестью этой нагрузки. Видите, она сдвинулась всего на несколько дюймов.

– И что из этого следует, сэр?

– Я повторю еще раз: плита стоит в трех футах от окна. Разве это не странно? В прошлый раз мне не пришло в голову, какая легкая эта плита. Разве не естественней было бы этой плите под тяжестью повисшего тела придвинуться в упор к окну? А?

На глазах Роджера вполне подвижный сержант как-то странно одеревенел.

– Малыш – он и есть Малыш, сэр, легкий как перышко и росточка совсем махонького.

– Прямо-таки невесомый, – сухо констатировал Роджер.

– Кроме того, здесь на подоконнике есть потертость, там, где натянулась веревка.

– Хм! – Роджер осмотрел подоконник. – Да, есть. Но крас-ка тут на краю выглядит так, будто ее терли наждаком, а не веревкой.

– Ну, он ведь сначала немного поболтался в воздухе. Так что на это место пришлась приличная нагрузка. А что касается плиты...

– Да?

– Ну, если вы посмотрите на нее чуть повнимательнее, мистер Шерингэм, то увидите, что передние ножки, когда она поползла вперед, попали в щель между половицами, видите, как раз где кончается линолеум. Этого вполне хватило, чтобы остановить ее продвижение вперед. – Онемевшая было физиономия сержанта оживилась противненькой ухмылкой.

«Я же тебе говорил!» – означала она.

Но на Роджера это никак не подействовало.

– Да, вижу. Но совсем не уверен, что этого препятствия достаточно, чтобы остановить движение плиты к окну. Оно скорее заставило бы плиту опрокинуться тут же. Кроме того, я уверен, что веревка охватывает плиту прямо по центру тяжести.

– Возможно, сэр, – терпеливо выслушал сержант. – Но следует помнить, что натяжение шло не вниз и даже не по прямой, а вверх, потому что веревка к подоконнику поднимается. Чтобы плита перевернулась, узел должен был находиться значительно выше, чем сейчас.

– При всем желании не могу с этим согласиться.

– Да? Ну конечно, недаром шеф говорил, что вы большой спорщик.

– Возможно, так оно и есть, – рассмеялся Роджер. – Возможно еще, что я большой любитель эксперимента. С вашего разрешения, сержант, я бы хотел провести прямо сейчас небольшой опыт. Я спущусь вниз и повисну на этой веревке, а вы здесь понаблюдаете, как поведет себя плита.

– Действуйте как вам заблагорассудится, мистер Шерингэм, раз вам охота поразмяться, – великодушно разрешил сержант Эффорд.

Роджер стремглав сбежал по лестнице.

– Готовы? – крикнул он вверх, к открытому окну, хватаясь за веревку, которая фута на четыре не доставала до земли.

В окне показалась голова сержанта.

– Готов, сэр. Покачайтесь. Я понаблюдаю за плитой. – Ухмылка не покидала его лица.

Роджер, весьма обескураженный тем, что к нему относятся не как к исследователю, а скорей как к мартышке на лиане, крепко ухватился за веревку и подтянулся вверх. Он взбирался, перехватывая веревку руками, пока его ноги не оказались в трех-четырех футах над землей... и слегка покачался. И тут что-то произошло. Из кухни донесся грохот. Роджер враз опустился дюймов на двенадцать, потом его дернуло вверх и, наконец, он приземлился на все четыре конечности. Сначала ему показалось, что внезапный рывок заставил его отпустить веревку, но обнаружилось, что он крепко вцепился в нее. Роджер посмотрел вверх. Веревка оборвалась чуть выше того места, за которое он держался.

Кипя от возбуждения, Роджер осмотрел место разрыва. Веревка была сплетена из шести нитей. Два конца были чистые, свежие. Четыре – грязные.

Он кинулся вверх по лестнице.

– Посмотрите, – он еле переводил дыхание. – Посмотрите, сержанта, веревка к черту никуда не годится.

– Конечно, – ответил сержанта с обескураживающей невозмутимостью. Это нам известно и так.

– Тогда как же...

– И Малыш тоже знал. Вот почему протершееся место было внизу. Он же не весит столько, сколько вы, мистер Ше-

рингэм, но все-таки рисковать не хотел и, добравшись до этого места, спрыгнул. Там высота всего футов шесть, а Малыш прыгает, как кошка. И, обратите внимание, веревка выдерживала ваш вес, пока вы не стали раскачиваться. Это рывок от падения плиты разорвал ее, резкая смена натяжения.

– А, так плита все-таки упала!

– Да, сэр, – безмятежно промолвил Эффорд. – Инспектор Бич, видимо, сдвинул узел, когда его осматривал. Очень неосторожно с его стороны, конечно, но опять же он не мог знать, что вам придет в голову ставить здесь свои эксперименты, мистер Шерингэм.

– М-да, – проговорил Роджер. – Что ж, на сегодня экспериментов хватит. Да и мне пора. С наилучшими пожеланиями, сержант.

– Доброго пути, и весьма вам признателен, сэр.

– Я благодарю вас, сержант. – Роджер оставался любезен.

Проходя мимо гостиной, он почтительно попрощался с мисс Барнетт, которая, сидя на корточках, энергично скребла пол, но, не дождавшись ответа, заключил, не слишком впрочем, убежденно, что его не услышали. По лестнице в этот раз он спускался не торопясь, поскольку пребывал в глубокой задумчивости. Дело становилось замечательно интересным. Интересным до чрезвычайности. Вернее говоря, имелись все признаки, что дело в высшей степени презанимательное. Разумеется, если оно будет развиваться так, как сейчас обещает, и отныне, решил он, красота и заниматель-

ность этого дела становятся его, Роджера, собственной и персональной заботой. Он сделал для Скотленд-Ярда все что мог. Он сформулировал, так сказать, все громко и внятно. Он прямо и откровенно прокричал все в ухо сержанту. Он не виноват, если представители бюрократического аппарата упрямо отказываются признать факт, не подлежащий никакому сомнению, – а именно то, что по этой веревке в ночь преступления спуститься никто не мог.

Глава 5

Роджер стремительно удалялся от «Монмут-мэншинс», потому что ему хотелось подумать и подумать как следует. Он взял такси до Британского музея и отправился в читальный зал. Если человек не может думать в читальном зале Британского музея, он вообще нигде думать не сможет. Отыскав свободное место, Роджер положил перед собой лист бумаги и карандаш.

Он просидел так целый час, подперев рукой голову, и время от времени что-то наносил на бумагу. И вдруг его словно что-то подбросило. Все свелось к одному-единственному вопросу, на который лишь миссис Бонд могла дать ответ: если в американском замке парадной двери заклинило язычок и миссис Бойд пришлось воспользоваться врезным замком так, что никто с улицы не мог войти в дом без нее, то что сказать о тех, кто хотел выйти из дому? Мог кто-нибудь выйти, минуя миссис Бойд? Это и в самом деле был важный вопрос.

Такси помчало его обратно к «Монмут-мэншинс».

Миссис Бойд, которая позавчера видела Роджера с компанией из Скотленд-Ярда, и в голову не пришло, что он не из них, а Роджер не видел причины ее в этом разубеждать, так что она очень охотно отвечала на его вопросы.

– Нет, сэр, я не оставляла ключ в замке. Как-то, знаете, поостереглась – он ведь у меня единственный. Вы предста-

вить себе не можете, как пропадают вещи, если оставить их без присмотра, даже в таком доме, как наш.

– В котором часу вы заперли дверь?

– В пол-одиннадцатого, как обычно.

– В таком случае, если б кто-то захотел выйти из дома позже этого часа, вам пришлось бы ему открыть?

– Да, сэр, так я и сделала.

– Вот как? И много вы выпустили?

– Только одного, сэр. Джентльмена, который был в гостях у мисс Деламер из пятой квартиры.

– Почему вы уверены, что он шел именно от мисс Деламер? То есть я хочу спросить, известен ли вам этот джентльмен?

– Уж слишком часто я его вижу, чтоб не знать, к кому он приходит, надулась миссис Бойд.

– Не припомню, чтобы вы назвали его сержанту в числе тех, кого знаете в лицо, – порывшись в памяти, произнес Роджер.

– Я и не назвала, потому что не видела, как он входил. Сержант спрашивал только о тех, кто входил. Но раз уж он выходил, значит, и входил, так ведь?

С этой логической конструкцией Роджер не мог не согласиться и спросил, во сколько же он вышел. Миссис Бойд ответила, что вроде бы между одиннадцатью и половиной двенадцатого. Роджер кивнул: в таком случае об этом визитере можно было забыть.

– А теперь, миссис Бойд, мне бы хотелось узнать, – вкрадчиво проговорил он, – можно ли было как-то без вашего ведома выбраться из этого дома после двенадцати? Возьмем сначала вот эту, парадную, дверь. Вы оставили ее запертой на ночь. Утром вы тоже нашли ее запертой?

– Да, сэр, могу поклясться на Библии.

– Можно взглянуть на ключ?

– Конечно, сэр.

Миссис Бойд быстренько принесла большой допотопный дверной ключ. Роджер, поблагодарив, вставил его в скважину и убедился, что с внешней стороны двери головка ключа не видна. Следовательно, повернуть ее клещами извне было невозможно.

– Что ж, это хорошо. А кстати, почему вы так уверены, что утром дверь была заперта?

– Потому что, когда я утром вышла, чтобы, как обычно первым делом открыть дверь, я вспомнила, что ведь замок заклинило, и мне пришлось вернуться за ключом. Я подергала дверь, понимаете, а она не открылась. Вот почему я поняла, что она заперта, – потому что она была заперта.

– Да, звучит очень убедительно, – рассмеялся Роджер. – А как с другой дверью, той, что ведет во двор?

– Та тоже была заперта, да еще и на задвижку, как всегда. Я сама каждый вечер и запираю. Если б что не так, сразу б заметила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.